

Юрий Васильевич Куперт

Штрихи былого

Меня все время спрашивают о моей странной фамилии, интересуются, из каких я немцев: из колонистов или сосланных в последнее время. Я должен сказать, что серьезных научных изысканий на этот счет не проводил, хотя, разумеется, довольно много знаю о своих корнях, знаю о том, как оказался в Томске и почему считаю его своим родным городом.

Я родился 7 января 1931 года в райцентре Березовского района, с. Березовском Ачинского округа. Это тогда был Восточно-Сибирский край. Родился в семье кооперативного служащего. Отец был кооперативным работником, хотя происходил из крестьян. Как я понял, все мои предки - сибиряки. По расспросам дедов, бабушек я примерно установил, что мои предки по отцу – прадед Федор Иванович Куперт (или Куперов) - приехали в Сибирь где-то в 1846 г. По пути они остановились сравнительно недалеко от Томска. Остановились потому, что дорогой у одного из членов семьи родился ребенок. Они прожили 2 или 4 года в с. Семилужки. Известно, что дед Иван Федорович крестьянствовал, во время коллективизации в колхоз не спешил, так как стал колхозником сельхозартели «Красный Октябрь» Белоярского сельсовета лишь с 15 апреля 1931 г. и справка сельсовета удостоверяет, что по экономическим признакам его хозяйство было отнесено к бедняцким. Предки по матери приехали в Сибирь чуть позже, где-то в 1848 г. или 1850 г., и тоже они почему-то остановились на два года недалеко от Томска в с. Некрасово (или Корнилово). То есть эти предки могли тогда каким-то образом встретиться, но затем судьба развела их, и они разъехались по Сибири. Мне удалось установить следующее: предки по отцу приехали в район с. Березовского, там, у истоков р. Чулым они поселились. Это поселение было казацким. Отец говорил мне, что его отец, т.е. мой дед (а может, я неправильно понял, и речь шла о прадеде), был произведен в казаки этой станицы. Прадед и дед были крестьянами. Пахали землю. Почему фамилия Куперт? Не понятно. Есть предположение, что дед, будучи грамотным, мог «подправить» фамилию. Кажется, одно время он был писарем и мог тогда сделать так, что записал двух детей на одну фамилию, двух - на другую, чтобы получить полный надел земли от общины. Своя рука - владыка, если ты писарь. Во всяком случае, когда моего отца, Василия Ивановича, стали обвинять (был такой эпизод) в том, что он немец и руководит областью во время войны с Германией, он специально съездил на родину, вернулся и сказал, что он разобрался со своей родословной, и что, оказывается, его фамилия должна быть Куперов. Ему предложили поменять фамилию, но он, разумеется, отказался это делать. Не видел в этом смысла.

Предки по матери, Толстовы, как я понял, были людьми зажиточными. Смутно представляю себе, где они остановились на жительство: то ли в Камне-на-Оби, то ли сразу в Мариинске. Или же переехали из Камня-на-Оби в Мариинск. Сложилось впечатление, что это была семья купеческого типа. Во всяком случае, когда мой дед Митрофан Иванович Долгополов женился на моей бабушке Марии Тимофеевне Толстой, то в ее семье это рассматривалось, как мезальянс. Об этом я совершенно точно сужу, так как мне довелось познакомиться со старшей сестрой моей бабушки, и она всегда как бы свысока

смотрела на нее. Дескать, ты вышла замуж не очень удачно. А дед Митрофан Иванович был видный такой, крупный мужчина. Я не пошел в него явно, а пошел в бабушку. Бабушка была очень маленькой: когда дед сидел, она едва доставала ему головой до плеча. Дед был артельным старостой на железных дорогах и мотался по всей Сибири. Его отец жил на Амуре, был охотником и старателем. Вся семья во время гражданской войны уезжала туда на Амур и жила там некоторое время с этим моим прадедом. Ну, а мать моя родилась в с. Тюменцево Алтайского края. Росла, большей частью, без отца. Он все по дорогам железным, все строил, строил. По тем временам, в начале века, артельный староста был фигурой заметной. В перерывах между запоями, которые у него иногда случались, много читал. Из-за этих запоев бабушка моя с ним рассталась. Прожил он недолго, где-то 54-56 лет. Родственники со стороны матери были в основном железнодорожниками. Старшая мамина сестра вышла замуж за железнодорожника, и брат ее тоже стал железнодорожником (в Тайге жил). А тетя потом уехала на Украину.

В те времена семьи были достаточно крупными. У отца были три брата и сестра. Жили они в Восточной Сибири, в Черемхово, в Бодайбо. И сейчас у нас там много родни. Старший брат моего отца, Федор Иванович, всю жизнь прожил в тех местах, работал на золотых приисках. Сын его живет в Иркутске, доцент, достаточно известный в стране врач-гинеколог. Вот такова моя предыстория. Как видно, происхождение у меня рабоче-крестьянское.

Отец, Василий Иванович, в молодости крестьянствовал, но скоро оторвался от земли. С 16-летнего возраста стал работать ремонтным рабочим на Томской железной дороге (с 1922 по 1927 г.). В 1927 г. по комсомольской мобилизации был направлен на работу в кооперативную сеть – в Белоярское общество потребителей. Сначала он был продавцом, потом, благодаря своим организаторским способностям, выдвинулся на руководящую работу в кооперации. В 1928 г. был избран членом правления, а затем председателем общества. Где-то в 1927 г. побывал в Томске. Вспоминал, как у него там сапоги утащили, а еще рассказывал, как поразило его обилие рыбы на базаре. Ее везли обозами с севера, и она лежала тут огромными штабелями. В 1929 г., пройдя курсы инструкторов Сибкрайсоюза, отец стал инструктором Ачинского окружного союза потребительских обществ. После ликвидации округов в 1930 г., успешно пройдя чистку соаппарата, получил назначение – заведующим организационно-плановым отделом Березовского райпотребсоюза Запсибкрая. Надо сказать, что отец обладал и острым умом. На моей памяти - это был единственный человек, который мог мгновенно умножить трехзначное число на трехзначное и выдать ответ. Обладал хорошими аналитическими способностями. Я помню, научил его играть в шахматы, а я играл прилично, так он очень скоро стал меня обыгрывать.

В 1932 г. наша семья из Березовского переехала в Ленинск-Кузнецкий, где мы жили довольно долго. Там отец был избран председателем правления Центрального рабочего кооператива. Я был совсем маленьким, и об этом периоде у меня только какие-то проблески воспоминаний. Отца там в 1935 г. арестовали по доносу и исключили из партии, в которую он вступил в 1931 г. Причем, следователь даже показывал отцу донос. А потом, когда отца отпустили, он продолжал с автором доноса вместе работать. Я спрашивал потом отца, не «накостылял» ли он доносчику. Отец ответил, что нет. Он был

человеком миролюбивым и достаточно культурным. В деталях я этой ситуации не знаю. К сожалению, мы, историки, много знаем о других, а о себе зачастую - крайне мало. В 1937 г. отец был восстановлен в партии (может быть, вновь принят). После прохождения курсов Центросоюза СССР в 1937 г. отец стал заведующим оргинструкторским отделом и членом президиума Новосибирского облпотребсоюза, а с марта 1941 г. – первым заместителем председателя президиума и в феврале 1942 г. – председателем президиума облпотребсоюза. Любопытный эпизод. Отец рассказывал, как он принимал на работу отпущенного в 1940 г. из-под ареста будущего секретаря ЦК партии Николая Ильича Беляева. Пришел в телогрейке, говорит, что нигде не берут. А он орденоседец, герой гражданской войны. Отец взял его на работу и, более того, предоставил ему с женой одну из комнат в нашей квартире, и мы одно время жили вместе. Беляев был очень трудолюбивый, энергичный работник и быстро вырос. Вскоре он стал заместителем председателя облисполкома. Потом его направили на учебу, после чего назначили секретарем Алтайского крайкома партии. Ну, а дальше судьба его известна: стал секретарем ЦК партии, потом секретарем ЦК компартии Казахстана, но за возникшие там волнения и их подавление был снят.

Очень смутно помню финскую войну. Главным образом, по очередям за продуктами. Приходилось стоять в очереди с вечера до утра. А когда заходили в магазин, оказывалось, что хлеба уже нет, остались только одни сухие бараночки. За сахаром тоже ночами стояли. Я это хорошо помню. А ведь отец работал в облпотребсоюзе! Еще было такое время, что система спец. обслуживания не получила настоящего развития. Может, в высших эшелонах власти она была более развита, не знаю. Во всяком случае, я отлично помню, как приходилось стоять ночами в очередях. Помню и другое. Мать работала корректором в типографии газеты «Советская Сибирь». С каким нетерпением мы с младшей сестрой ждали ее возвращения! Она приносила пшеничную кашу на воде, и это было для нас роскошное блюдо. В воспитании детей сказывалось рабоче-крестьянское происхождение родителей. В семье никогда не было сантиментов, постоянных поцелуев (только при отъезде и встречах), объяснений друг другу в любви и тому подобного. Но не было и грубости, крика, брани. Разговаривали спокойно, не повышая голоса. Не только нецензурные, но даже грубые литературные выражения были под запретом. Детей не били. Мне несколько раз доставалось от отца, но по делу. Например, родители увидели, как я в 12-летнем возрасте бегу по карнизу трехэтажного дома. От матери никогда не получал даже подзатыльников, хотя был далеко не паинькой. Не помню, чтобы меня ругали за неудачи в школе, а таковые были. Родители просто как-то заметно проявляли свое большое огорчение. Был у меня эпизод с резким снижением успеваемости в школе. Отец справился с ним очень легко. Он спросил, не хочу ли я позаниматься с репетитором. Мною это было воспринято, как угроза величайшего позора и больше проблем с учебой не возникало. Может быть, поэтому мне и удалось получить в школе золотую медаль. Думаю, что родителей сильно сближали трудности и несчастья, которых им досталось немало. Вообще, ссоры между родителями были чрезвычайной редкостью, да и это были, скорее, небольшие стычки по пустякам, которые быстро изживались. Видимо, сам брак состоялся непросто, поскольку он был у отца второй. От первого брака была дочь Лина, с которой я познакомился в 1945 г. Она была на фронте и после демобилизации отец пригласил ее к нам, чтобы помочь в дальнейшей жизни. Лина прожила у нас около года в

достаточно благожелательной обстановке, но, насколько я помню, особого желания учиться или как-то устроить свою жизнь она не проявила и, в конце концов, уехала к матери в Восточную Сибирь. Родителям пришлось пережить многое: в 1932 г. или 1933 г. в годовалом возрасте умер мой младший брат Борислав, а в 1947 г. – моя младшая сестра Эмма, 10-ти лет. Это был страшный удар, который удалось несколько, если так можно сказать, смягчить рождением через полтора года моей самой младшей сестры Ирины. Родителей, конечно, сближали болезни отца, и постоянная забота о нем матери. Напряженная жизнь и работа не проходили даром. Отец много и сильно болел, хотя всегда держался молодцом. Еще в молодости, в Ленинске-Кузнецком он очень страдал от головных болей, мигреней, была у него и сильная язва желудка, от которой избавился волевым усилием, соблюдая жестокую диету в течение трех лет. Это обстоятельство, кстати, способствовало тому, что отец очень осторожно относился к спиртному. Я никогда не видел его не только пьяным, но даже сильно навеселе. Отсюда и меньше ссор.

Я так много места уделил отцу потому, что он пользовался наивысшим авторитетом в семье. Мама была на вторых ролях, но отец с ней всегда считался, и в домашних делах она имела обычно решающий голос. Кстати, она прекрасно готовила, особенно разного рода выпечку, играла на гитаре, неплохо рисовала, в молодости немного пела в домашнем кругу. Может быть, поэтому я всегда любил музыку, пение, увлекался в разное время оперой, опереттой, слушанием хорового пения, симфоническими концертами, театром. Сам пытался учиться на баяне (и учитель-то был выдающийся – Владимир Тимофеевич Феоктистов), но надолго меня не хватило и я потихоньку бросил это прекрасное занятие, о чем всю жизнь жалел. Родители не заставляли. Наверное, по этой причине все мои дети окончили музыкальную школу (Таня и Саша – по классу скрипки, а Лена – по классу фортепьяно), а Таня даже и консерваторию. Но их-то попытки манкировать музыкальным образованием я решительно пресекал при поддержке жены и тещи. Кто знает, может быть, и напрасно.

Если судить по отношению сослуживцев, мама была хорошим работником, хотя вовсе не стремилась подниматься по служебной лестнице, так как главным делом в ее жизни всегда оставалась семья. Поэтому она всю жизнь и была корректором. В партию она вступила в 1941 г. и дожила до времени получения знака «50 лет пребывания в КПСС», хотя в связи с переездом в Томск в 1989 г. так и не успела получить его. Я об этом очень сожалею: такой значок – редкость в наследстве родителей.

Помню немного годы перед войной. Влияние пропаганды достигло даже детей. Мать как-то принесла с работы журнал «Германский печатник». Там фотографии, в том числе фотография Гитлера с Молотовым во время заключения договора между Германией и СССР. Помню, как изменилась пропаганда, но в нашем детском сознании уже укрепилось неприятие фашизма. И это осталось в памяти очень свежим, как и война в Испании. А перед войной в Испании только одно политическое событие почему-то очень сильно запомнилось - это смерть С. Орджоникидзе. Уж очень это было подано в каких-то мрачных тонах. И вот врезалось в память, хотя мне тогда было всего шесть лет. Да, видимо, в шесть лет можно кое-что запомнить, кое-что уже понимать. Когда мы, мальчишки, начинали драться, то этому предшествовала обычно перепалка: «Ты бей!» «Нет, ты бей!» «Что я фашист что ли, чтобы первым бить!» А потом вдруг ситуация

меняется. И, когда немцы прямым попаданием потопили английский крейсер (кажется «Хууд»), среди окружающих это вызвало просто восторг.

День начала войны омрачил мне очень многое. Я был в пионерском лагере. Накануне меня приняли в пионеры. Я проснулся в то утро в приподнятом настроении, вечером должен быть костер, был жаркий, по-настоящему летний день. Но в середине дня стало известно, что началась война. Настроение взрослых передалось и нам, детям. Родители совсем исчезли из дома, потому что много работали. Отец уходил очень рано и приходил поздно, мать допоздна работала в типографии. Мы оставались с няней. Няня была из раскулаченных. Когда родилась моя младшая сестра, отец не побоялся взять ее к нам, и она у нас в семье стала как родная.

Отец рос по служебной линии. Вскоре стал заведовать одним из отделов облисполкома. Помню, что он постоянно учился. Сначала у него было только начальное образование, потом среднее. Приходил с работы и тут же садился за учебники. Иногда приходили учителя-репетиторы. Отец учился настойчиво и серьезно. Заочно окончил педагогический институт. В мае 1942 г. отец был назначен заведующим отделом торговли Новосибирского облисполкома и председателем областного карточного бюро (должность военного времени, которой не позавидуешь). Он занимался внедрением карточной системы, наблюдением за ее исполнением. Эта работа отнимала не только много времени, но много сил и нервов. Во всяком случае, это сказывалось на семье. Мы уже пользовались спецраспределением, что существовало для работников обкома и облисполкома. Но когда отец стал председателем карточного бюро, он нам запретил это. Видимо, он сам что-то получал все-таки, но нам демонстративно ходить в распределитель не разрешал. Стало сложнее. Я обратил внимание, что наши знакомые из обкома, облисполкома в этом смысле выглядели иначе. Приходишь в гости, - у них на столе стоит виноград или торт, масло, белый хлеб и т.д. По карточкам этого не было, и тогда это вызвало у меня определенные отрицательные эмоции. Отец хорошо справлялся со своими обязанностями, получил орден «Знак Почета» и с февраля 1943 г. стал первым заместителем председателя Новосибирского облисполкома.

Я учился в школе № 22 г. Новосибирска. До этого, в начальных классах, учился в школе № 4, о которой сохранились самые светлые воспоминания, прежде всего о первой учительнице - Елизавете Ивановне. Интересно, что позже во время учебы в Томском университете, я встречал своих тогдашних одноклассников. Один из них – А. Гусаров (уехал потом в Москву, стал профессором, доктором экономических наук), рассказал мне о том, что наша учительница прославилась. Стала заслуженной, была награждена орденом Ленина. Когда перешел в другую школу, мне стало немного сложнее, потому что поначалу все, что там проходили, я уже знал. Естественно, я перестал толком заниматься и вскоре учебу запустил. Стали возникать всякие неприятности с учителями. Я не знал правил грамматики, но с нетерпением ждал уроков литературы, чтобы с выражением прочитать заданное стихотворение (так, как учила любимая учительница) и получить «пятерку». Потом школу разделили на мужскую и женскую. Меня перевели в школу № 9. Школа во время войны была переполнена. Эвакуировали, прежде всего, детей, и вот школа вскоре перешла на работу в 3-4 смены. В классах не хватало мест, и многие садились на подоконники. Все время были проблемы с электричеством: его постоянно

отключали, не хватало электрических лампочек. Учителя были сверх меры перегружены учебными часами, а карточки у них были, как и у всех служащих, и жили они в большой материальной нужде. Сами понимаете, что в таких условиях, при такой перегруженности классов толкового обучения быть не могло. Уровень образования наверняка резко понизился. Глядя в прошлое, нисколько в этом не сомневаюсь. Мы начали прогуливать, вместо уроков ходили в кино. Дома журить было некому, родители на работе. Мы были предоставлены сами себе. Оживились в это время криминальные элементы, сильно выросла уголовная преступность, начал работать главный рассадник преступности - черный рынок. Вроде бы официально такая торговля была запрещена, но на деле на нее смотрели сквозь пальцы. Торговля носила характер бартера. Кто-то стащит у родителей банку консервов, обменяем на бутылку водки. Так оно и бывает. Очень сильное влияние на мальчишек оказывали уголовные авторитеты. Одного авторитета по кличке Муха я очень хорошо помню, а другой, Глобус, над нами шефствовал. Тогдашний новосибирский «Муха» не родственник ли нынешнему авторитету? О новосибирском Мухе вспоминает Э.В. Бурмакин в книге «Балкон без перил». Он пишет о своем детстве. Мы жили, оказывается, недалеко друг от друга (он немного старше меня), но жизненные ситуации у нас были совершенно разные. Элемент свободы, которым я пользовался в те годы, как-то испустил трудности военного времени.

В 1943 г. я сбежал на фронт, нас было трое друзей. Один из них Валька Жолтиков из семьи эвакуированных казаков, другой не примыкал к нашей компании, но тут собрался с нами. Мы сели на электричку, доехали до Коченево, а там нас перехватили и отправили домой. Больше таких попыток я не делал. Вообще 1943 год я хорошо помню. Время для всех очень голодное было. Я, конечно, не голодал и часто тащил из дома хлеб для своих друзей, за что мне дома нередко попадало, так как хлеб-то был по карточкам. Когда я учился в 6-ом классе, нас отправили в деревню на уборку овощей. Дней пять или больше мы жили прямо в поле, ночевали в каких-то бараках, а там нары и охапки сена. Вставали рано утром, снимали друг с друга уйму клещей (об энцефалите тогда никто не знал) и шли работать. Поразительной пищей нас кормили. Это баланда: много воды, капля жира, немного картошки и много капустных листьев, на второе - картошка, потом несладкий чай. Хлеба выдавали по детской норме - 300 г. Все, конечно, были голодные. Особенно страдали взрослые, которые работали с нами рядом. Надо сказать, что во время войны ребяташки помимо учебы все практически работали. Нас посылали то в цеха прибирать, то собирать металлолом, то что-то другое делать (в основном подсобно-уборочные работы). Это было нормой военного времени, и все это понимали. Сегодня людям пожилого возраста предлагают предъявить справки о работе в военное время для получения дополнительных социальных льгот. Это звучит смешно. Мы все тогда работали, но никаких документов об этом не оформляли, и нам никто за нашу работу не платил. Наоборот, с нас еще брали деньги во время очередной кампании тех или иных сборов. Наши родители сдавали деньги в фонд обороны, собирали деньги и в школе. Родители старались обеспечить выполнение детьми патриотического долга. Ну а патриотами были все на самом деле.

Любопытно вспомнить один эпизод того времени, когда я впервые имел дело с архивными документами. В Новосибирск был эвакуирован аппарат Центросоюза. Рядом с

нашим домом, где я жил, на Трудовой, 18, находился гараж облпотребсоюза и большой вокруг него двор. Автомобилей практически в гараже не было, их, естественно, мобилизовали на фронт. И вот в этом гараже разместили архив Центросоюза. Заложили его папками доверху. А во дворе гаража сложили всю мебель этого учреждения: стулья, шкафы, столы вплотную друг к другу. Двор был заставлен во всю его огромную территорию. Я не знаю, был ли там сторож, может, и был, знаю одно, - что для ребятишек наступило раздолье. Мы проделывали дырки в стенах шкафов и переходили из одного шкафа в другой, затем в третий и т.д. Целый лабиринт, и скрыться можно было от кого угодно, никто не найдет. А чтобы иметь еще более благоприятное убежище, мы облюбовали гараж с документами. Отогнули решетки на окне и проникали туда без особого труда. Раскопали середину, сделали небольшой зальчик и там собирались. Разжигали костер (естественно из документов), мальчишеская компания. Скажу, что сильного хулиганства в этой компании не было. Документам мы нашли еще одно применение. Мы увлекались игрой в индейцев, и из этих бумаг делали человечков. В делопроизводстве того времени применялась разноцветная бумага: желтая, красная, оранжевая. Вот такой бумагой мы и пользовались. Так я, к сожалению, «приобщился» к архивам.

В 1944 г. мы переехали в Томск. Тогда образовалась Томская область, и отца назначили сюда. Говорю «назначили», хотя должности были выборные, но выборы проводились только формально. Отец к тому времени был уже первым заместителем председателя Новосибирского облисполкома. В ЦК ВКП (б) ему дважды предлагали поехать в Томск секретарем обкома партии, он дважды отказался. Ну, а потом ему показали подписанный Сталиным документ о формировании томских органов, а там в списке была его фамилия. Тут уж отказываться было нельзя. Первым секретарем обкома стал А.В. Семин, вторым - И.А. Смолянинов, а третьим - В.И. Куперт. Председателем облисполкома предполагалось сделать Барабанщикова. Но получилось так, что, когда все руководство новой областью собралось в Томске, пришлось это решение пересмотреть. Не ручаюсь за точность, но помнится, что было так. Барабанщиков, приехав в Томск, запил и пил несколько месяцев; как говорят, не просыхая. Стало ясно, что он не может быть председателем облисполкома, тем более что выборов еще не было. Довольно быстро созрела мысль назначить на эту должность В.И. Куперта, а секретарем обкома по идеологии - Е.Н. Буркова. Поскольку назначение отца было не легитимно, то он стал и.о. председателя облисполкома до своих выборов на первой сессии областного Совета. Работал отец очень много. Мы редко его видели. Распорядок у него был такой: где-то в 10 часов утра уезжал на работу. К 17-ти часам приезжал домой обедать, спал час-полтора, в 8 часов вечера возвращался на работу. Заканчивался рабочий день в 3-4 часа утра. Пока Сталин не спит, все должны находиться на рабочих местах, так как в любое время он мог позвонить. Одну вещь я могу сказать совершенно точно. Телефон у нас дома никогда не отключался. Более того, если кто-то приезжал из села, а это были председатели райисполкомов, председатели колхозов - отец их обязательно приглашал на обед, и всегда звучала фраза: «Звоните мне в любое время, если что возникает, не стесняйтесь». Поэтому телефон в нашей квартире не умолкал ни днем, ни ночью, и даже в те немногие часы, что отпущены были для сна. Звонили из Москвы, из районов. Работники, подобные моему отцу, себя не жалели, работали на износ.

Я не очень хорошо знал работу отца, но хорошо знал многих людей из областного и городского руководства. Запомнил А.В. Семина. Он появлялся у нас в доме несколько раз по случаю дня рождения отца. Не умел пить, сразу делался пьяненьким, скандалил не скандалил, но становился неприятен окружающим. Семин знал свой этот недостаток и в гости ходил редко. Официантки, которые обслуживали высших областных чинов, рассказывали, что он любил выпить в одиночку. Во всяком случае, было известно, что водку ему доставляли исправно.

И.А. Смолянинов - представитель нижегородских коммунистов. В Нижнем Новгороде он был комсомольским работником, потом стал расти по партийной линии. У него очень ярко сохранились комсомольские замашки: шумливый, энергичный, скоропалительный, уже видит, что не прав, но настаивает на своем. Выпить очень даже любил. Умел тратить деньги. Обычно их занимал, но возвращать долг не спешил. На этой почве были у него конфликты с отцом, когда ему приходилось разбираться, почему он, набрав в закрытой столовой продуктов, не платит за них. «Когда же ты будешь платить? Ведь это уже неприличным становится». Тот сердился.

Е.Н. Буркова я знал меньше. Собственно, знаю о нем только по тому скандалу, который произошел в их кругу. У Е.Н. психически заболела жена, она долго была в больнице. Тем временем у него состоялся роман с начальником управления культуры. В конце концов, по настоянию главных руководителей была проведена разборка такого поведения, и Бурков вынужден был уехать из Томска вместе с молодой женой и дочерью (его первая жена к тому времени уже умерла). Стал руководить профсоюзом железнодорожников и так в этой сфере и остался. Еще он, кажется, был послом в Чехословакии.

Помню еще двух руководителей МГБ. Это Яков Семенович Турчанинов - начальник МГБ и его заместитель - Константин Петрович Волков. Хорошо их помню потому, что часто общались. Яков Семенович - человек спокойный, хотя временами и вспыльчивый, немного полноватый. Садистко-зверских настроений я у него не заметил. Представляю его себе так, что это был добросовестный служака. Его жена, Антонина Ивановна, из казачек. Полная, энергичная и очень властная женщина. Энергия из нее была ключом. В наше время она стала бы каким-нибудь общественным деятелем, но тогда для жен руководителей такие возможности не представлялись. Как-то убирали подальше, чтобы они не маячили на политической сцене. Особенно после известных неприятностей с женой Молотова - Жемчужиной. Активные женщины не нравились Сталину, а потом и Хрущеву тоже. Так вот, у Турчаниновых было две дочки, они их удочерили. Это были дети кого-то из родственников. В доме у них была спокойная доброжелательная атмосфера. У Якова Семеновича была потрясающая библиотека. А я с детства библиофил, и, когда приходил к ним, с трудом мог отлипнуть от этих стеллажей. Не думаю, что хозяин тоже был библиофилом, но библиотеку собрал богатую. Боюсь, что часть книг к нему попала от образованных людей, которые оказались в застенках ГБ. Еще один штрих. В Томск должен был приехать Берия. Это в связи с вопросом по строительству нашего Северска. Помню, когда Турчанинов говорил об этом отцу, в нем проглядывало столько трусости, что он

просто дрожал от страха. Дети хорошо чувствуют такое. Я просто ощутил его смертельный страх.

Помощник Турчанинова - К.П. Волков был человеком крупным, физически развитым, энергичным. Курчавый, с высеченными чертами лица, мог казаться красивым. По своей службе в органах прошел очень много разных мест страны. Воевал с басмачами. Мне довелось стрелять из его маузера, который он оттуда привез. Выселял карачаевцев, вел борьбу с «лесными братьями» в Литве, потом был послан в Молдавию и на борьбу с бандеровцами, которые еще оставались после войны. Характером он обладал, конечно, очень жестким, и, по-моему, искусственно культивировал образ человека кровожадного. На банкетах, которые проводились уже после войны, знали, что ему следует подавать бифштексы из сырого мяса. Ощущал себя, видно, сверхчеловеком. Во всяком случае, когда речь идет о физических методах, применявшихся к арестованным, я уверен почти на 100%, что он в этом участвовал, в отличие от Турчанинова. У Волкова были жена, сын. Потом он разошелся с женой, женился на своей любовнице. С 1954 г. и тот, и другой из Томска были убраны. Про Волкова точно знаю, что он был исключен из партии. Отец позже встречал его. Тот сказал, что живет около Анапы, занимается хозяйством. Такой же самоуверенный, что и раньше. Хвастал, что его вот исключили из партии, потом обком пригласил его на встречу и было предложено захватить с собой несколько орденов. У него их действительно было много, в том числе за выселение карачаевцев, и др. Но больше всего он гордился наградами за Москву: во время осады столицы в 1941 г. он много работал по наведению там порядка. В фильме «Рожденная революцией» это довольно точно отражено. И вот он рассказывает отцу: «Я взял балетку, насыпал в нее все свои ордена и медали (оказалось довольно много), пришел в обком и вывалил им все на стол, сказал: "Выбирайте, какие вам надо, - мне еще останется достаточное количество». Такой он был человек. Фигура, конечно, неоднозначная. Ведь очень много зависит еще от того, на что направить энергию и способности человека. Волков бал хорошим организатором, способным работником. Он много работал по своей линии. Но мне кажется, что многие стороны его деятельности выглядели неприглядно.

В Томске я учился в школе № 8. Хорошая была школа. Тоже в то время переполненная. Одних 7-х классов было четыре. Помню, старшеклассников забирали на фронт. Состав учителей постоянно менялся. Было много учителей-студентов. Студенткой была учительница истории. Она прекрасно вела уроки и на эту плохо организованную орду воздействовала достаточно сильно, пользовалась у нас колоссальным авторитетом. С другой учительницей-студенткой мы постоянно катались на катке. Очень запомнилась учительница Зоя Михайловна Михайлова. Она была еще диктором томского радио и женой нашего, смею заверить, великого для того времени, актера Томского драмтеатра М.Е.Кузнецова. Она преподавала литературу, при этом обращалась к уму и сердцу своих учеников. Не случайно я писал тогда домашние сочинения по 230 страниц (бедная учительница!). Было такое.

Благодаря тому, что отец был председателем облисполкома, я рано познакомился (повезло!) с научной библиотекой Томского госуниверситета. Школьных библиотек мне не хватало. Отец привел меня в научную библиотеку, познакомил с ее заведующей - В.Н. Наумовой-Широких. Он ее очень хорошо знал и вообще относился с большим уважением.

Она ему иногда зачитывала что-нибудь по-французски, он ее охотно слушал, они много беседовали. Вера Николаевна разрешила мне брать в библиотеке книги. Я использовал эту возможность на все 100%. Брал комплекты «Нивы», «Современника», приложения к ним и др. Ни одной книги не испортил, не утратил, возвращал все аккуратно. Не случайно я сейчас являюсь председателем библиотечного совета Научной библиотеки ТГУ.

Школу я окончил в 1948 г. с золотой медалью. Получили медали также Леопольд Земсков, Вадим Филимонов. В этой школе это были первые золотые медали. Дело в том, что тех, кто заканчивал 10-й класс раньше, и должен был получить золотую медаль, например, Н.В. Васильев – известный томский медик-академик (мы с ним в школе были очень дружны), целым классом перевели в 43-ю школу. Наша школа встала на ремонт, и для 10-го класса по-настоящему заниматься не было условий.

Кроме золотой медали меня поощрили поездкой в Нарым на открытие Дома-музея Сталина. В нашей группе был Г.А. Ельцов и многие другие. Мне тогда удалось даже поговорить с тем местным жителем, который помог Сталину бежать из ссылки. Как много значит живое общение с действительными участниками действий! То, что рассказывал он и другие, помнившие Сталина, никак не спрягалось в нашем сознании с образом Сталина, сложившемся под влиянием монументальной пропаганды того времени. Во всяком случае, тот человек говорил: «Ну, что Сталин? Конечно, мы его маленько помним. Он вообще молчун был, занимался своим делом, книги читал. Книги брал у учителя». «Он с нами не общался» - это был главный лейтмотив воспоминаний. «Кроме того, он меня обманул, когда уезжал. Он сказал, что его там, в Колпашево, ждут в управлении; что он туда должен явиться, а я, значит, должен его на обласке перевезти. Я и повез, а он там сел на пароход и смылся». Все это звучало несколько неожиданно. Точно такое же впечатление, когда я прочитал анкету на Сталина. Мы все удивились, что он роста был всего лишь 161-162 см., рябой, по профессии делопроизводитель - канцелярский работник. Это не соответствовало тому, что мы видели на парадах и пр., где он был крупнее, чем был, оказывается, на самом деле. И еще. Такой важный человек, выдающийся вождь мог обмануть простого человека, которому потом сильно попало за оказанную Сталину услугу! Вот такие впечатления остались у меня от той поездки.

Позднее я узнал, что тот учитель, который давал Сталину книги, послал ему письмо после войны. Письмо такого рода, что вот Вы - выдающийся человек, победитель, я горжусь тем, что мне довелось в свое время Вас узнать. Вы не подумайте, что мне от Вас что-то надо, хоть мы и тяжелоатом живем, вот дом совсем прохудился, но так живет, в конце концов, весь народ. Я просто к Вам обращаюсь, чтобы выразить свое восхищение Вами, хотя боюсь, что Вы меня уж забыли. И вот Сталин присылает ответ. Мой отец приносил это письмо, и я его видел (не знаю, где оно сейчас находится, все документы, связанные со Сталиным, забирали в центр). Письмо на бланке депутата Верховного Совета СССР, написано синим карандашом, почерк Сталина, без единой ошибки (я тогда обратил на это внимание), хотя, когда Сталин выступал, он говорил с сильным грузинским акцентом. В письме было написано: "Уважаемый... (тут имя отчество)! Я Вас конечно не забыл. Я очень благодарен Вам за то, что Вы мне помогали скрасить то время, когда я был в ссылке, и у меня была возможность читать книги. Я рад, что Вы по-прежнему трудитесь на благо народа... (что-то там еще). Понимаю Ваши стесненные обстоятельства, посылаю Вам 10

тыс. рублей из своих депутатских средств. Больше у меня нет". И подпись "Сталин". Этого учителя пригласили в Томск, поносили немножко на руках, помогли ему отремонтировать дом (а может, и новый построили). Особой помпы, конечно, не было. По теперешним временам, наверное, подобный случай с большим бы шумом был отмечен - уже научились. Вот такой сюжет в памяти остался.

В тот год, когда я окончил школу, у отца возникли неприятности, связанные со многими обстоятельствами. Попался на каких-то уголовных делах завхоз облисполкома и, чтобы как-то отбояриться, он стал наговаривать на председателя облисполкома, что, конечно, не подтвердилось. Но тут вспомнили, что в 1937 г. был арестован муж сестры жены Куперта, как враг народа. Так оно и было. Медведев жил тогда в Новокузнецке, а после ареста сгинул. Вдруг выяснили, что у отца и брат был арестован, а он вроде бы это скрыл. Но отец с младшим братом Александром очень давно потерял связь и ничего о нем не знал. Что старший брат Иван - бывший колчаковец, тоже скрыл. Отец объяснял, что как раз об этом он писал в одной из анкет, что брата мобилизовали в армию Колчака насильно, и что он пропал с тех пор. Только что тут докажешь? В таких случаях наворачивали целый ком, чтобы создать "Дело". Отцу упорно пришлось доказывать, что он не "верблюд", и большую часть обвинений он отверг.

Я думаю, во всей этой истории сыграли большую роль личные мотивы. Во-первых, отец сильно прижимал Ивана Александровича Смолянинова за его долги, а ведь тот был вторым секретарем обкома. Во-вторых, он поссорился в самом начале с Сергеем Ильичом Мурашовым, который приехал в Томск вместо Буркова в качестве секретаря обкома по идеологии. Ситуация была не такая уж и сложная: Мурашов, как приехал, сразу потребовал квартиру. Ему предложили 3-х комнатную, а он говорит, что ему такой квартиры мало; отец предложил ему подождать, чтобы найти лучший вариант, а тот - вот, дескать, уже есть подходящая квартира в доме, где останавливаются люди, приезжающие из районов (наверное, имелась в виду гостиница "Северная"), там пять комнат, вполне можешь их мне выделить. Отец говорит: "Я не пойду на это ни за что! Люди приезжают из районов, в каких условиях они там работают! Как прокаженные. Пусть хоть здесь нормально поживут. Не дам". Мурашов пошел жаловаться Семину, но отец уперся и ни в какую на это не пошел. Так он нажил еще одного врага. Вопрос об отце обсуждался на обкоме (я все собираюсь познакомиться с протоколом заседания бюро). Они его сняли с работы. А он в то время был депутатом Верховного Совета РСФСР (вместе с В.Д. Кузнецовым), имел много связей. Ему последовало несколько предложений о работе, но отец не пожелал воспользоваться своими связями и решил начать практически все сначала. Родители уехали в Куйбышев: к тому времени моя младшая сестра умерла, а я уже учился в Томском государственном университете. Отец стал работать в Волжском пароходстве простым работником, потом заведующим отделом. Он был сильный, трудолюбивый, умелый и аккуратный работник, и у него все получалось. В конце концов, он стал заместителем начальника пароходства и с этой должности ушел на персональную пенсию.

Я с отъездом родителей перешел в общежитие, и с 18-ти лет жил самостоятельно. Надо сказать, за время работы в Томске родители никаких особых накоплений не сделали, квартира и мебель были служебными, денег на руках оказалось что-то порядка 10 тыс.

рублей. Зарплата первоначально в Куйбышеве у отца была небольшая, поэтому основательно помогать мне материально они не могли, хотя сына не забывали, за что я им благодарен. Но из дому я получал переводы не больше, чем другие мои сотоварищи по общежитию, посылки тоже были стандартными, так что я ничем не выделялся в этом отношении. Позднее некоторые коллеги высказывали мысль, что мне было легче других жить и учиться, поскольку я, якобы, использовал какие-то связи отца. Это просто перенесение современных отношений в обществе на прошлое. Тогда ни разу, ни отец, даже по пустяковым вопросам, не обращался к своим прежним коллегам, так сказать, «облеченным властью», ни разу не сделал этого и я, рассчитывая только на себя. Более того, ни один из бывших коллег отца по госаппарату, а тем более по партаппарату, не сделал даже робкой попытки хотя бы спросить, не нужно ли чем помочь («при жизни все дружатся с нами, при горе нету тех друзей»). Да мы в этом и не нуждались. Надо заметить, что только однажды во время моих каникул отец как-то спросил меня, не обращался ли ко мне с предложением какой-либо помощи Донат Кириллович Филимонов, которого он когда-то активно продвигал и который наследовал его должность председателя Томского облисполкома и с сыном которого мы были очень дружны в школе. Когда я ответил, что ничего подобного не было, он просто промолчал.

Студенческая жизнь моя оказалась чрезвычайно насыщенной по многим причинам. Во-первых, нужно было хорошо учиться, оправдывать свою школьную медаль, хотя внешне казалось, что никто в группе на это никакого внимания не обращает. Это удалось. Хорошие оценки я, правда, получал, так как не мог превратить миф о сочетании большой общественной работы с отличной учебой в реальность, но чаще всего получал повышенную стипендию (260 руб.) и, в конечном счете, заработал диплом с отличием. Во-вторых, я сразу активно занялся спортом. Уже на втором курсе стал членом комсомольского бюро факультета, затем членом президиума областного совета спортобщества «Наука», который возглавлял тогда политехник Олег Алимов. Помимо этого, я был членом комитета комсомола университета, вел пару спортивных секций на общественных началах, выступал на соревнованиях по гимнастике, легкой атлетике, лыжным гонкам, а потом и слалому, прыжкам на лыжах, был в сборной университета по волейболу и даже во второй сборной по баскетболу. В-третьих, не давала мне покоя и самодеятельность, так что участвовал в факультетских капустниках в качестве сочинителя и исполнителя (мы их, собственно, и начали тогда) и даже в танцевальном ансамбле факультета (впрочем, без особого успеха). В-четвертых, в меру увлекался и научной работой, выступая на научных студенческих конференциях. Не могу не заметить, что интерес к какой-то конкретной специализации у меня определился далеко не сразу. Достаточно перечислить названия моих курсовых работ: «Речение Ипувера как свидетельство социальных конфликтов в истории Древнего Египта», «Иван Грозный – идеолог самодержавия», «Гуситские войны в Чехии», «Огюст Бланки – выдающийся французский революционер» и дипломная работа «Исследование Ф. Энгельсом закономерностей развития капитализма в Англии». На третьем курсе я начал специализироваться по кафедре новой и новейшей истории, но уже зимой 1950 г. после ареста ее заведующего Кугеля кафедра была расформирована, преподаватели и студенты вошли в состав кафедры всеобщей истории, которую возглавил А.И. Данилов. Благодаря этому, мне удалось у А.И. Данилова прослушать не только курс истории средних веков,

прочитанный просто блестяще, но и спецкурс по истории Английской буржуазной революции, который, судя по всему, он больше никому и не читал.

Преподавателей во время обучения в университете было много и разного уровня. Это вовсе не означает, что кто-то из них не заслуживает глубокого поклона и благодарности. Каждый что-то дал в меру своих сил, способностей и умения. С учебниками в конце 1940-х – начале 1950-х гг. было сложно, поэтому большинство студентов писали лекции и потом их тщательно штудировали. Мы быстро поняли, что порой скучные и, как нам казалось, неинтересные лекции (да они так и выглядели) в конспектах представляли в виде логически стройных, насыщенных важным историческим материалом, а некоторые, вроде бы яркие лекции, в записи оказывались несколько поверхностными. Поэтому выделяю тех преподавателей, которые оставили наиболее яркий след. Прежде всего, мы встретились с профессором Эдуардом Константиновичем Гриневичем. Он вел историю стран древнего Востока, историю первобытного общества и археологию и сразу же сразил нас своей колоссальной эрудицией, высокой эмоциональностью лекций и любовью к своему предмету, прежде всего, археологию. Обилие познаний порой мешало ему строить лекции достаточно пунктуально, зато они были очень интересны. Внешний вид и взрывная энергия поневоле наталкивали нас на сравнение профессора с В.И. Лениным. Очень жаль, что ему пришлось уже после первого семестра 1948 / 49 уч. года уйти из университета, отнюдь не по собственному желанию, а после варварской акции, характерной для тогдашней жестокой системы. Его молодая жена вела у нас латынь. Занятия были насыщенными, требовательность преподавателя очень высокая. Уверен, если бы мы учились у нее все два года, отведенные на курс латыни в учебном плане, мы бы знали ее гораздо лучше, чем получилось в конечном счете.

После Э.К. Гриневича его курсы стал вести приехавший из Дрогобыча доцент Иван Гаврилович Коломиец. Он не был специалистом по древней истории, вел раньше основы марксизма-ленинизма, но, будучи человеком, далеко не ординарным, этот бывший фронтовик, окончивший войну, кажется, в звании майора, проявил огромную волю, незаурядный ум и работоспособность. Во всяком случае, лекции его, далеко не столь эмоциональные, как у Гриневича, выглядели очень стройно, были прекрасно структурированы и в полной мере отвечали целям учебного процесса. Я убедился в полной мере в его педагогическом таланте, когда писал под его руководством дипломную работу. Несмотря на болезнь (туберкулез), И.Г. Коломиец не давал поблажки ни себе, ни другим. Его отношение ко мне проявилось в том, что он дал мне рекомендацию для вступления кандидатом в члены партии в 1952 г. (Одну из рекомендаций в члены партии я получил через год от А.И. Данилова). Для студента это значило в то время очень много. Позднее, уже после смерти Ивана Гавриловича, моя жена дружила с его женой.

Бесспорно, наивысшим авторитетом у студентов ИФФ в то время пользовался Александр Иванович Данилов. Не только и даже не столько потому, что он был очень энергичным, требовательным деканом (после доц. Скворцовой), благодаря чему находился в тесном постоянном общении со студентами, но главным образом потому, что мы, как обычно и бывает, очень быстро поняли, что Александр Иванович - наиболее фундаментально подготовленный историк на факультете, выделяющийся глубоким пониманием различных

проблем исторической науки, даже не относящихся непосредственно к медиевистике. Для этого достаточно было побывать на одной из многочисленных тогда теоретических конференций на факультете, не говоря уже о его курсе по истории средних веков. Вспоминая его лекции или спецсеминары, лишний раз ловлю себя на том, что методика в преподавании имеет гораздо меньшее значение, нежели ей приписывают. Главное – личность преподавателя, его воздействие на обучающегося посредством ума и логики мысли. Трудно назвать правило методики, которое бы не нарушал А.И. Данилов, но для студентов это не имело никакого значения. Главным всегда оставалось содержание его лекций, выступлений, их убедительность и глубина.

Необычайно интересна фигура Александра Павловича Бородавкина. Когда мы начинали учиться на факультете, он был еще старшим преподавателем, прошел фронт, но воспринимали его студенты как сравнительно молодого человека. Да так оно и было. Ведь среди студентов значительную прослойку составляли фронтовики, близкие по возрасту преподавателям. Александр Павлович играл очень заметную роль в коллективе факультета, и преподавателей, и студентов. Бывший одессит, кладезь юмора, оптимист. Он обладал редкостным даром общения. Играл с нами в баскетбольной команде, появляясь в общежитии, никогда не читал нотаций, избегал назиданий и проработок даже в адрес проштрафившихся, доверял студентам и они отвечали ему тем же. Александр Павлович не прочь был сыграть с нами в шахматы, «забить козла» в домино и при этом ему удавалось никогда не опускаться до панибратства. Диссертацию он защищал с блеском, на этой защите яблоку негде было упасть, присутствовали не только преподаватели, но и студенты. Впрочем, мы и без ученой степени любили этого преподавателя, его удивительно красивый мягкий голос, яркую выразительную речь, умение сделать свои лекции не просто выразительными и интересными, но нередко захватывающими. Да, если А.И. Данилов был интеллектуальным высшим авторитетом, то А.П. Бородавкин был самым любимым преподавателем. В 1949 / 50 уч. году в связи с борьбой против космополитизма на факультете появился Израиль Менделевич Разгон. Он сразу стал заведующим кафедрой истории СССР, единственным тогда доктором наук, профессором, да еще и лауреатом Сталинской премии. Поскольку я специализировался по кафедре А.И. Данилова, лекции И.М. Разгона слушал всего один семестр. Читал он их, используя типографские тексты, но вполне свободно, с большим напором. Порой казалось, что знания просто распирают его и, отвлекаясь от непосредственной темы лекции, по аналогии И.М. Разгон начинал рассказывать такие вещи, которые нам были абсолютно неизвестны, да и узнать их мы нигде не могли. От него мы услышали о так называемом дневнике Анны Вырубовой (позднее, когда я был уже преподавателем, он предоставил мне возможность познакомиться с ним подробнее), как-то целых полторы лекции он потратил на изложение мемуаров Деникина. И.М. Разгон внес солидную свежую струю в жизнь факультета, добавилось страсти и споров в теоретических дискуссиях, появились некие оттенки связи нашего периферийного вуза со столичной вузовской и академической наукой. Именно благодаря И.М. Разгону на факультете появилась аспирантура по истории: научная жизнь факультета получила серьезный толчок.

Вообще на факультете было много ярких фигур среди преподавателей. Каждый из них оставил заметный след то ли от непосредственного участия в учебном процессе, как, например, Н.Ф. Бабушкин, П.В. Копнин, А.Л. Пинчук, Е.В. Елисеева, С.С. Григорцевич, М.П. Евсеев, К.П. Ярошевский, то ли участием в жизни факультета, поскольку в этом студенты совершенно не были отделены от преподавателей (Н.А. Гуляев, Ф.З. Канунова и др.). Вспоминаются добрым словом такие преподаватели, как доцент Касаткин с его просто замечательно выстроенным курсом психологии. Кесарь Александрович Скворцов - оригинальный своеобразной внешностью, тембром голоса, умением преподавать логику в удивительно непонятной форме, но достаточно лояльный к студентам, которые относились к нему, в общем, хорошо. Оставила след в памяти его защита кандидатской диссертации. Защищал он ее в возрасте 60-ти лет, но очень страстно и эмоционально. Ответ оппоненту он озаглавил «21 возражение профессору Попову» и сугубо торжественно его огласил.

Остались в памяти латинисты. О жене Гриневича речь шла выше. После ее отъезда у нас так и не было постоянного преподавателя. Часть занятий вел А.Л. Пинчук, которого все ужасно боялись, некоторые девочки просто до паники. Была совместитель из мединститута Миронова, хороший преподаватель, вызывавшая у нас симпатию. Во всяком случае, именно от нее мы услышали, что расхожее выражение «Пусть тебе земля будет пухом» у нас употребляют только в силу недостаточной культуры и плохого знания латыни, так как римляне произносили его как проклятие, потому что дальше шли слова «...чтобы собаки разрыли твою могилу и растаскали твои кости». Жаль, не помню в латинском варианте. С Мироновой связано еще одно очень грустное и тягостное воспоминание. Она умерла, и оказалось, что ее просто некому хоронить. Не помню, уж как получилось, но хоронили ее мы, студенты 128 группы. Был, кажется, еще кто-то из мединститута, но все основное делали студенты. Было это весной, могилу до краев залило водой, гроб плавал, с трудом удалось его утопить и зарыть землей. Потом мы в общежитии устроили маленькую тризну. Преподавателю, таким образом, студенты университета отдали дань уважения.

Еще один латинист преподавал у нас после Мироновой – Гольдштейн. В основном он вел занятия на юрфаке. Это был грамотный человек, окончивший один из престижных европейских университетов (чуть ли не Сорбонну). После присоединения Молдавии к СССР он попал в числе репрессированных в Сибирь, а после войны ему разрешили преподавать латынь в университете. Это на моей памяти был второй преподаватель, активно применявший наглядные пособия (первым был Гриневич). Он их сам готовил, они выглядели ярко, в цвете. Он приучал к знанию пословиц, одним словом, учил хорошо. Но был предельно мягок, никогда не делал студентам замечаний. Его не обошли стороной репрессии 1950-го года. Завершали изучение латыни мы уже с Э.Ф. Молиной, отличавшейся высочайшим уровнем интеллигентности.

Были неплохие преподаватели и по общественным наукам, хотя в очень незначительном количестве. Кроме Копнина и Евсеева, могу назвать, пожалуй, еще Демидова, преподававшего основы марксизма-ленинизма. Из преподавателей истории запомнились Кузнецов, заведовавший кафедрой истории СССР до И.М. Разгона, Кудрявцева, Пуговкина, древнерусский язык вела Молчанова, русскую литературу – Мальков. Специально

остановлюсь на характеристике доцента Сидоренко. Недавно с удивлением узнал, что многие мои сокурсники его просто не помнят. Конечно, прошло 50 лет, но все же это удивительно, так как в моей памяти он остался как очень хороший преподаватель. Лекции, правда, были не очень яркими, но вполне доброкачественными. Особенно умело он вел практические занятия: всегда так ставил вопросы, что поднимал целую дискуссионную бурю, а затем логически стройно обобщал дискуссию, выделяя наиболее точные и интересные выступления. Скорее всего, я очень хорошо запомнил этого преподавателя потому, что писал под его научным руководством курсовую работу об Иване Грозном, использовал много литературы и источников, в том числе и переписку с Курбским. До сих пор остается ощущение, что эта работа у меня получилась как самостоятельная, а не компилятивная в отличие от большей части других курсовых. Видимо, сказалась и роль доцента Сидоренко. Позднее, уже в Челябинске, он защитил докторскую диссертацию по Февральской революции 1917 г. Я приобрел и прочитал его монографию, написанную, как и ожидалось мною, очень неплохо. Почему-то запомнилась Кувшинская, которая вела курс методики преподавания в средней школе. Очень приятная женщина, она была из числа первых преподавателей Томского рабфака при университете еще в 1920-е гг.

И еще одна колоритная фигура: Александр Емельянович Абрамович-Четуев. Именно он читал для первокурсников вводную лекцию по основам марксизма-ленинизма, поскольку был старым большевиком, вернувшимся вместе с Лениным в заплombированном вагоне из Швейцарии в 1917 г. Было, разумеется, любопытно увидеть человека, знавшего Ленина, но особого впечатления его лекция, несмотря на личные воспоминания, не произвела. Вскоре он уехал из Томска, и его имя вновь появилось в печати в конце 1960-х – начале 1970-х гг., когда он получал знак «50 лет пребывания в КПСС», ордена и другие почести. Были и другие преподаватели, но, как говорится, AUT BENE, AUT NIGIL.

Мрачными приметами времени были репрессии. Постоянно шли какие-то процессы, людей сажали. Помню аресты того периода. Вернулись однажды после каникул и узнаем, что посадили студента Колю Платунова, как врага народа. Позднее, когда он освободился, он все-таки окончил университет, стал доктором наук, профессором (не в Томске).

Посадили Кугеля - зав. кафедрой новой и новейшей истории. Перед этим он написал докторскую диссертацию. Она, говорят, была слабой, и, хотя он защитил её, была сильно раскритикована. Особенно досталось от А.И. Данилова. Когда после смерти Сталина началась реабилитация, она шла не сразу и тяжело. В 1955 г., я работал уже в пединституте, случайно встретил Кугеля. Поздоровался с ним, а он меня не помнит. Я сказал ему, что был его студентом, специализировался на его кафедре. Он обрадовался и говорит: "Вы мне скажите, вот Вы работаете в вузе, тем более что преподаете историю КПСС, был ли в моих лекциях антимарксизм?" Отвечаю: "Нет, конечно, не было. Было, честно скажу, некоторое вспышкoпускательство, когда Вы выбрасывали такие лозунги, как: "Давайте накинем веревку на шею Чан Кай-ши и утащим его в Тихий океан!" Читали Вы с энтузиазмом". Он действительно читал лекции бурно, активно, наступательно. Много выступал с лекциями в городе. Так вот, Кугель меня спрашивает: "А Вы можете это подтвердить?" "Да, - говорю, - везде и в любом месте". Он записал мои данные, и через некоторое время меня вызывают в областную прокуратуру к Князеву. Князев говорит, что

вот, мол, к ним обратился Кугель, он ссылается на Вас, как на свидетеля по его делу. "Вы можете подтвердить, что никакого антимарксизма он в своих лекциях не допускал?" "Да, могу. У меня все его лекции записаны, я могу их найти". "Так Вы были тогда студентом? Ну, мы таких студентов можем найти, сколько угодно. Все, Вы свободны", Мое свидетельство во внимание принято не было. Кугеля реабилитировали позднее. Его видели потом в Москве, где он, в конце концов, защитил докторскую диссертацию. О дальнейшей его судьбе не знаю.

Арестовали Гольдштейна - преподавателя латыни. Я разговаривал позже со следователем КГБ Артуром Гузняевым, который учился на юрфаке и тоже был его студентом. Ему довелось, в связи с начавшейся реабилитацией, пересматривать дело Гольдштейна. "Я, - говорит, - спрашиваю его, - почему Вы на первом же допросе сознались, что были резидентом немецкой разведки, а потом к этому добавилась и английская, и французская?" Он ответил, что так было разумнее сделать, чем ждать, когда из тебя эти признания выколотят пытками, и что лучше сразу признаться и, возможно, выжить". Гольдштейна реабилитировали, но в университете он больше не работал, куда-то уехал.

Зимой 1948 / 49 года к нам домой пришел профессор К.Э. Гриневич. Говорит: "Василий Иванович, мне нужно с Вами поговорить". Отец пригласил его к чаю. Оказывается, Гриневичу принесли бумажку из районного отделения милиции с предложением в течение 48-ми часов покинуть город Томск (он, наверное, был из сосланных, точно не знаю.) Отец звонит начальнику МВД по Томской области - Корнильеву, тот отвечает, что ничего об этом не знает, начальнику МГБ Турчанинову. Тот тоже удивлен, говорит, что такие вещи не проходят мимо него, но об этом ему ничего неизвестно. Через некоторое время Турчанинов сообщает: "Навел справки. По нашей линии никаких претензий к Гриневичу нет". Отец во время этих телефонных переговоров возмущался хамским отношением к профессору. Звонит Корнильев: "Это, Василий Иванович, непосредственное указание административного отдела обкома, они даже меня миновали и позвонили напрямую начальнику отделения милиции". Отец звонит этому начальнику отдела (нашел его дома). Тот отвечает, что получил непосредственное указание от первого секретаря обкома. "Лично получил?" "Нет, не лично, а через приемную". Отец звонит А.В. Семину: "Алексей Владимирович, случилось такое безобразие, недопустимо хамское отношение к ученому, профессору. Может, Вы знаете, что там произошло". "Понимаете, Василий Иванович, тут мы с Вами едва ли что-нибудь сможем исправить, потому что я дал обещание ректору ТГУ Макарову, дал согласие на увольнение профессора-историка, который то ли кадет бывший, то ли кто еще, с тем, чтобы принять на его место коммуниста. Конечно, Вы можете быть спокойны, - никаких сроков не должно быть. Это недопустимо. Но, раз дал слово, значит, я в каком теперь положении, я же не могу от слова отказаться". Вот в таком духе. И все. Отец пытался Гриневича успокоить. Объяснил, что ситуация сложилась таким образом, что он, к сожалению, повлиять на нее не сможет, но все, что в его силах, он сделает. "Первое: не обращайтесь на это предписание из райотделения милиции. Работайте спокойно. Второе: ищите себе другое место. Найдете, - переедете. Будете переезжать, облисполком Вам все оплатит и выдаст подъемные. Я прослежу, чтобы Вас не обидели в финансовом отношении". Гриневич уехал тогда из Томска. Кажется, в Курск или в Новгород. Отец очень сильно был расстроен

этим обстоятельством. Он к ученым относился с большим пиететом. Вообще между ним и Семиным работа была как бы распределена. Получилось так, что Семина не очень-то интересовали вузы, его интересовала главным образом промышленность, и это понятно. Выпуск военной продукции в условиях войны был главным участком работы. А отец занимался вопросами сельского хозяйства, лесной промышленности, и вот курировал культурную сферу. Причем в культуре он работал вместе с Бурковым, а наукой и вузами занимался специально сам. Просто у него к этому было специфическое отношение. Наверное, потому, что он вышел из самых низов и всю жизнь жадно тянулся к знаниям.

Я окончил университет в 1953 г. На V курсе уже вплотную думал о выборе дальнейшего пути. Уходила в прошлое учеба и общественная работа. Осталось в памяти многое, особенно спорт. Мы с Н.В. Блиновым учились в одной группе и вместе занимались спортивной работой. Блинов возглавлял спортивный совет университета, я был в комитете ВЛКСМ. Удалось сформировать серьезное отношение к спортивной работе в университете. В то время вообще, в отличие от нынешнего, студенты играли решающую роль в общественной жизни вуза. Создали специальные структуры, проводили соревнования. Кафедра физкультуры только выставляла судей и помогала нам эту работу вести. Помню, ректор Макаров перестал с нами здороваться, демонстративно отворачивался, встретив меня с Блиновым где-нибудь в коридоре. Это было уже на IV курсе. Мы к тому времени стали кандидатами в члены партии. Макаров не здоровался вот почему. Материальная спортивная база университета была тогда на нуле. Спортивного зала не было. Первое, что мы сделали, - это поставили вопрос о передаче помещения овощехранилища на улице Никитина под спортзал. Там ничего, кроме гнилых овощей, не было. Разумеется, Макаров немедленно отказал. Мы снова к нему обратились, он опять отказал. Мы выступили в газете. Не помогло. Написали письмо в ЦК ВЛКСМ, который обратился в Министерство высшего образования. Министерство - к Макарову. Тот снова отказал. Тогда мы написали в ЦК ВКП (б), в газету "Правда" и в обком партии. Ну и везде выступали, где только могли. Говорили, что у нас закоснелый ректор, который не понимает элементарных вещей. Макаров вынужден был сдаться. Но нас отныне он в упор не желал видеть. Хотя при этом на партбюро он голосовал за наш прием в партию.

Нам в помощь кафедра физкультуры выделила Василия Викентьевича Кузьмина. Это одна из выдающихся фигур нашего города. До войны он выступал в цирках, как борец и боксер. Потом стал работать в университете на кафедре физкультуры. Началась война, он ушел на фронт, имел ранение. После войны вернулся в университет. Мы познакомились с ним в 1948 году. Нас очень впечатляла его мускулатура, он обладал колоссальной физической силой и невероятной выдержкой. Вспоминаю значительно более позднее время, когда отмечалось 100-летие университета, награждали работников правительственными наградами. Кузьмину должны были вручать медаль "За трудовое отличие". Я, будучи членом парткома, регистрировал участников торжественного собрания. Подходит Василий Викентьевич. Я ему говорю: "Что-то настроение у Вас не праздничное". А он: "Понимаешь, я вчера упал, два ребра сломал". Вот он в таком состоянии пришел. А через некоторое время на него наехала машина. Человек он уже в возрасте был. Ему говорят: "Давайте отвезем Вас в больницу". Он отвечает: "Вы меня сначала на стадион отвезите". Он там что-то не доделал, не отдал каких-то распоряжений. Его отвезли на стадион,

машина ждать не стала, уехала. Потом его с трудом доставили в больницу. Оказалось, что было сломано 4 или 5 ребер. Интересно отметить, что у Василия Викентьевича в 68 лет родился ребенок, а сам он прожил около 90 лет. Он был очень скромным и хозяйственным. Это был удивительный человек. Он тогда возглавил строительные работы. Работали студенты, он распоряжался. Сделали великолепный спортзал, зал, в котором и в волейбол играли, и в баскетбол, проводили зимние соревнования по легкой атлетике и пр. Позже, уже в 1952 году, опять же с помощью В.В. Кузьмина, мы построили стадион с дорожкой в 220 м. Подняли на это дело студентов и работали, естественно, в свободное от занятий время. Работа была адова. Это площадка за главным корпусом ТГУ, в котором в годы войны располагался завод авиационной техники. Там было полно всякой стружки, стекла и другого хлама! Я думаю, нам с Блиновым можно гордиться тем, что мы сделали тогда для университета.

И вот университет окончен. Николай Федорович Бабушкин советовал пойти ассистентом на кафедру истории КПСС в ТЭМИИТ (кто-то из института попросил порекомендовать им кого-нибудь подходящего). Александр Павлович Бородавкин уговаривал меня на заведующего партархивом, там тогда как раз вакансия была. Он говорил: "Зарплата там 1600 рублей, ты будешь около документов, быстро напишешь научную работу". Но представление об архивах у молодых людей очень смутное - что-то, связанное с пылью. Меня это не вдохновило. Скуп на слова был Александр Иванович Данилов, тогда он был деканом факультета. Он сказал: "Поезжай в Свердловск. Там последний год работают курсы преподавателей общественных наук. Займись философией или политэкономией, или историей партии". А.И. влияние на меня имел огромное. Я согласился.

Годичные курсы в Свердловске были открыты Министерством высшего образования. Шел третий набор. Курсы оказались очень эффективными. Там читались полноценные лекции, проводились полноценные практические занятия. Трехчасовая лекция, трехчасовой семинар, в группе 15 человек, и с каждым практически индивидуальная работа. Все было строго, выставлялись оценки. У меня все на "пять" было. Такие курсы и нужны для подготовки преподавателей вузов. Тогда в стране было три подобных учебных центра: в Москве, Киеве и Свердловске. После каждого курса - экзамен. Если нужно сдать кандидатский экзамен, давалась еще неделя для подготовки. Я там сдал, таким образом, и кандидатские экзамены, за исключением иностранного языка. Из нашей группы нас было на этих курсах трое: я, И.М. Шакинко и М.И. Матвеев. После окончания курсов Матвеева направили ассистентом в ТПИ, а нас с Шакинко - в пединститут. Еще из Кемеровской области был Василий Южанин, его тоже направили в пединститут.

Меня назначили сразу старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма, ассистентом я даже не был. В те годы была, надо сказать, оригинальная система. Преподавателям истории КПСС и политэкономии платили больше. Старший преподаватель - философ получал ставку старшего преподавателя, а старшим преподавателям истории партии или политэкономии платили доцентскую ставку. Получилось так, что я приехал и, не имея ни стажа, ни степени, стал получать ужасно большую зарплату - сразу 2200 рублей в месяц. Чтобы представить, насколько это солидно, приведу пример. Шли мы с женой по городу, зашли в магазин "Электротовары". Смотрим, продается холодильник "Саратов". Цена 800 рублей. А я только что аванс

получил - 1100 рублей, и мы этот холодильник спокойно купили. Мясо покупали по 10-12 рублей за 1 кг. сразу тушкой. В общем, хватало.

Начал работать в пединституте. Ректором тогда был Иван Сергеевич Карпенко. До него ректором был Феодосий Феодосьевич Шамахов, который при мне заведовал кафедрой педагогики, и мы с ним очень сдружились. Иван Сергеевич был хорошим человеком, я с ним был тоже в прекрасных отношениях. Мы даже как-то на весеннюю охоту вдвоем съездили. Позже он перешел на работу в обком партии, где заведовал отделом науки. После него директором пединститута стал Василий Федорович Федоров, который ранее заведовал кафедрами марксизма-ленинизма в транспортном, медицинском институтах, занимался партийной работой. Он у нас возглавил также кафедру истории КПСС. В.Ф. Федоров - фигура достаточно колоритная и известная в Томске. Очень солидный человек, хотя был абсолютно ортодоксален, как и полагалось старым кадрам того времени. С его сыном, Юрием, позднее профессором Томского медицинского института (увы, уже покойным), я учился в одном классе. Работа мне нравилась, все было хорошо. Хотя и бывали некоторые оригинальные нюансы. Был 1954 год. Я готовился к своему первому учебному году. Как сейчас помню, пришел на кафедру наш заведующий А.М. Бессонов. Приглашает меня к себе и начинает беседу: "Вы знаете, как лекции читать надо?" "А как надо?" "Надо в теме дать все, что есть об этом в Кратком курсе, а потом еще кое-что добавить. Это первое правило. И второе, - каждая лекция должна быть написана от первого до последнего слова. Текст лекции должен быть написан полностью". Ну, что ж. Я подготовил полный текст вводной лекции, и Бессонов перед началом учебного года приглашает меня зайти к нему домой обсудить мою лекцию. Прихожу. У него в гостях Алексей Трофимович Коняев (я у него в университете лекции по основам марксизма слушал). Оказывается, у них была практика обсуждать лекции перед началом учебного года. Они попросили меня рассказать, о чем я намерен говорить. Я рассказал, в том числе упомянул постановление ЦК ВКП (б) 1938 года о партийной пропаганде. Они: "А надо ли об этом говорить?" "То есть как не надо? В этом и есть суть марксистской трактовки вопроса". Вроде я убедил их. Вот так и проходило обсуждение. А потом как-то наш преподаватель Н.А. Хохлов докопался до кафедральных протоколов и говорит мне: "Там есть обсуждение твоей вводной лекции". "И что же?" - говорю. "А там, - отвечает Хохлов, - у тебя довольно много недостатков указано". «И какие же?» «Например, тебе посоветовали то-то и то-то». Оказывается, Бессонов втихаря сделал протокол обсуждения и мне ничего не сказал. Видно, практика того времени такова была. Надо сказать, что я еще одну-две лекции написал и на этом такую практику закончил. Стал писать сначала тезисы, потом краткие тезисы, потом просто держал в голове план лекции и где-то лет 12 читал так. Часы и голова. И получалось. Во всяком случае, позднее благодаря этому ко мне стал благоволить Александр Акимович Воробьев, посетивший мою лекцию в ТПИ.

В общем, время тогда было неплохим. Я с удовольствием, я бы даже сказал "с аппетитом", читал лекции. Интересно, что мои студенты были тогда не намного меня младше, нынче уже многие из них на пенсию пошли. На кафедре тогда работал Михаил Иванович Кузнецов. Он писал литературные произведения, давал мне их читать и пытался меня тоже привлечь к литературному творчеству. Конечно, он не был писателем, хотя очень был увлечен этим. Лекции читал гладко, а тексты писал ужасно.

Был Козлов Степан Егорович. Очень толковый, вдумчивый преподаватель, хорошо знал предмет. Может, не так ярко преподносил материал, но основательно и глубоко. Был Алексей Александрович Говорков, позднее профессор ТГУ, с которым я познакомился в 1954 году. Вот интересно - проходят годы, а человек не меняется. Могут поменяться взгляды, точка зрения на что-то, какой-то частный момент, но по большому счету он остается всегда одинаковым, таким, каков он есть с самого начала. Вот А.А. Говорков, каким был в 1954 году, таким и остался до самой смерти. Вспыльчивый, яркий, активный, заядлый спорщик. Стремился убедить противника не только с помощью аргументов, но и силой повышенного звука, тембра и т.д. У него все время рождались какие-то идеи. Человек умный, глубокий, основательный. Очень был интересным человеком. Наль Александрович Хохлов - ныне доцент Новосибирского университета - философ. Бесспорно, талантливый человек, обладавший колоссальной энергией и общественной активностью. Из-за этого он и не стал профессором, много отвлекался. У него постоянно какие-то проекты в голове, он их реализует, не реализует. А лекции читал хорошо и красиво. Это и неудивительно. Одно время он занимался в художественной самодеятельности. Мы учились на одном факультете, он постарше. И вот он был тогда на факультете лучшим чтецом, стихотворения Маяковского лучше него никто не читал. Хохлов пользовался популярностью у студентов.

Работал на кафедре упоминаемый уже мной Игорь Михайлович Шакинко. Мы учились с ним в одной группе, жили в одной комнате общежития, получили одинаковую подготовку в Свердловске. Он учился всегда хорошо, основательно, хотя натура романтическая. Не случайно он попал потом в переplet, и ему досталось больше многих, которые, как и он, не заслуживали такого. Позднее он стал крупным журналистом в Свердловске. Выпустил несколько книжек. Одной из лучших является книжка о Татищеве. Так как он был натурой романтической, журналистом, однажды пошел бродить по ночному городу, на него напали бандиты и убили. Вот так, к сожалению, кончилась жизнь этого человека. Епишкин Александр Петрович - бывший фронтовик, был ассистентом. Человек хороший и душевный. Заведующим учебным кабинетом был Вдовенко Георгий Дмитриевич, потом он стал ассистентом кафедры, а затем его снова перевели на зав. кабинетом.

В таком коллективе я работал. Подошло время XX съезда партии. Его приближение мы ощущали, конечно, давно. Ведь мы профессионально занимались политическими проблемами, преподавали историю КПСС, активно занимались общественной работой. Я уже в 1955 г. стал депутатом Кировского районного совета. Должен сказать, что меня с самого начала поразило в Совете следующее: на первой же сессии райсовета его председатель А.С. Чуланов начинает не просто критиковать, а буквально разносить вдребезги 1-го секретаря Кировского райкома партии Н.П. Слинко. За то, что он не помогает, за то, что он не понимает нужд райсовета, за то, что не оказывает помощи тем депутатам, которые работают с партийными организациями на местах и в районе. Прямо при нем. А тот ничего. На следующей сессии ему снова досталось (Чуланов, вообще-то, недалекий был человек). Критика довольно-таки нелицеприятная, но принималась Слинко, как справедливая. То есть хочу отметить, что уровень критики и самокритики был везде высоким. Я вспоминаю в этой связи также партийную организацию университета,

где я начал участвовать уже с IV курса. Какие там были собрания! Никому не стеснялись говорить правду в глаза. Да нас так и воспитывали. Наша группа была особенная. Все были нацелены на учебу, и в основном это были фронтовики (Лукин, Казанцев и др.). Они очень быстро и нас настроили соответствующим образом, - учеба была во главе всего. На I курсе как-то обнаружилось, что кто-то из наших (не помню фамилии) пользовался шпаргалкой. Комсорг собрала собрание, и мы объявили нарушителю за это выговор без оповещения вышестоящих органов. Постарались лишней трескотни вокруг человека не поднимать, чтобы не дискредитировать его. Но в нашей группе с тех пор шпаргалками не пользовался никто, все пять лет учебы. Можно скрыть такое от преподавателя, но попробуй, скрой от соседа. Повторяю, уровень ответственности, требовательности к себе и другим, уровень критики был достаточно высоким. Это специфика многих тоталитарных режимов: если критика идет на общественную пользу, то её расценивают со знаком "плюс". Но она была часто и несправедливая, очень жестокая. В 1952 г. на университетском партийном собрании разбирали персональное дело доцента геолога Нагорского. Его обвиняли во всех смертных грехах, только что напрямую не называли врагом народа и шпионом, но откровенные намеки на это делались. Нагорский произнес двухчасовую речь в свою защиту. При этом доказал, как много он сделал для страны, для науки. Не помогло. Исключили из партии. Я тогда еще был кандидатом в члены партии и помню, какое тяжелейшее впечатление это на меня произвело. Было очевидно, что человек сделал действительно очень много, и обвинения были значительно слабее доказательств. Все было, - и критика, и антикритика и все другие "прелести" бытия сталинского периода.

И вот XX съезд. Сейчас иногда пишут, что с полным текстом доклада Н.С. Хрущева мы ознакомились только в 1988 г. Это неправда. Я тогда молодой был, но уже в первый год работы в пединституте был избран в партбюро института, а на следующий год стал заместителем секретаря партбюро. Вскоре после съезда появилась масса документов, в том числе и Письмо ЦК КПСС со стенограммой этого доклада. С этой стенограммой ознакомили коллективы всех факультетов по отдельности. Полный текст доклада был прочитан на открытых собраниях для студентов, преподавателей, лаборантов. Единственное условие было поставлено: читать без обсуждения. "Обсуждение будет позже, надо сначала все осмыслить". Я сам читал доклад на двух факультетах (обычно читали члены райкомов, горкома партии, если не получалось, то члены партбюро или парткома). Помню впечатление, которое производил текст Письма. Даже обмороки случались, ведь у многих были репрессированы родители, они считали себя детьми врагов народа, и вдруг выясняется, что это не так. И выступления все же были. Выступала одна лаборантка: "Я так любила своего мужа и поверила, что он враг народа, а оказывается..." Вполне естественная реакция. Сам доклад, конечно, не являлся литературным шедевром, и логики в нем не хватало, но эмоций было предостаточно. Вот это и усиливало впечатление. Другое дело, что следующее поколение уже не слышало доклада. А тогда страна сразу раскололась на две части. Одни кляли всеми способами, другие защищали всеми способами. Фронтовикам было трудно смириться с тем, что они кровь проливали за Сталина, не зная о том, что творилось. Партийные работники, которые вершили судьбами людей, пытались как-то оправдываться. Известно, если человек ищет

теоретическое обоснование своим поступкам, он его обязательно найдет и будет очень убедительным.

Первыми, кто после знакомства с докладом стал выступать с разоблачением культа личности Сталина, как системы, с более глубоким пониманием его сущности, были представители историко-партийной науки. Это знаменитая группа Краснопевцева в Москве, группа молодых преподавателей кафедры марксизма-ленинизма пединститута в Томске, к которой принадлежал и я, группа в ТГУ – Н.С. Черкасов и др. У нас все говорят о шестидесятниках, но они пошли не столько за возрождением глубинных традиций российской культуры, скорее выступили с ориентацией на западные образцы. Мы сейчас многое вкушаем из того, за что они ратовали, и не всегда получаем от этого удовольствие. А мы были пятидесятниками, и мы были первыми. Конечно, нас было легче раздавить, и нас раздавили, это ясно. Почему мы были первыми? Мы знали историю партии. Мы верили достаточно глубоко в коммунистические идеи. И не потому, что нас просто уверили в них, а потому, что мы вдумчиво, с умом подходили к этому. Много читали, осмысливали, изучали документы. Не просто же так преподавали историю. Особенно тогда, после XX съезда, когда "Краткий курс истории ВКП (б)" исчез. На кафедре бурные разговоры, споры. Особенно между старшим и младшим поколением. Старшее поколение было в полном трансе. А мы, молодые, были счастливы. Мы получили возможность обращаться непосредственно к документам, обращаться действительно к истории, получили возможность настоящего творчества в учебном процессе. Не случайно именно в это время студенты получали наибольшее удовольствие от нашего курса. В то же время мы чувствовали себя обманутыми. Нам говорили об идеалах, а на деле не только им не следовали, а предавали их. Такого рода предательство переживается сильно, особенно молодыми, и они объединяются в оппозицию к власти. Возникла такая оппозиция и у нас на кафедре. Мы спорили особенно много о путях дальнейшего развития страны, о международных отношениях. Споры были, что называется, "с пеной у рта".

В то время работал на кафедре Эрик Григорьевич Юдин - философ. Точнее, он уже год перед съездом работал у нас. Приехал он в глубинку, в Сибирь из Москвы по зову сердца после окончания аспирантуры. Отец у него возглавлял какой-то крупный главк среднего машиностроения (атомная промышленность), а мать работала в секретариате ЦК партии у Пospelова. Э.Г. мог спокойно остаться в Москве и хорошо пристроиться, но вот приехал в Томск. Когда меня избрали заместителем секретаря партбюро, по моему предложению в состав партбюро ввели и Э.Г. Юдина. Это был интеллигентный человек с очень хорошо организованным умом. Диссертацию он писал по странам народной демократии (Польша, Чехословакия, Югославия), поэтому хорошо знал языки этих стран и получал польскую "Трибуна люду". В ней, в момент бурных событий вокруг нашего съезда, стало печататься очень много из того, о чем остальные и не подозревали. Поэтому мы с точки зрения информации шли немножко впереди. Ведь наши средства массовой информации давали её дозированно, и большая часть её скрывалась. Во время обсуждений мы задавали друг другу вопросы. Что же у нас за строй? Действительно ли социализм? Вроде то, что имеем, не соответствует идеалам социализма, провозглашенным В.И. Лениным. Действительно, очень многое не соответствовало им, - и внутренняя политика, и внешняя

и пр. Все это говорилось на кафедре открыто, в том числе в присутствии директора В.Ф. Федорова, который был одновременно и руководителем кафедры. Как обычно, встречаются люди и беседуют о том, о сем, затрагивают и политические вопросы. Хотя, конечно, они велись уже не в том ключе, как это было ранее, когда о многом принято было просто умалчивать. И вот так получилось, что на одном из партийных собраний выступил Э.Г. Юдин и сказал, что мы должны поставить на обсуждение вопросы, связанные не только с работой нашей партийной организации, но и вопросы, касающиеся партии вообще. Во-первых, проблемы информирования в партии. Ведь мы информацию получаем не от первых руководящих работников, а от голосов зарубежного радио (хотя они свирепо глушатся, но все-таки что-то прослушать можно). Второе, и самое неприятное, - рядовые члены партии не участвуют в формировании политики партии. Это тоже надо как-то решать.

После собрания вызывают в Кировский райком директора В.Ф. Федорова, секретаря парторганизации И.К. Монича, меня - его заместителя. На встрече присутствуют первый секретарь Н.П. Слинко, Г.С. Пугач, которая была тогда секретарем райкома, Н.Г. Смирнов - зав. отделом пропаганды (он учился на юрфаке параллельно со мной, и мы были с ним в хороших отношениях, даже на рыбалку на Обь вместе ездили.). Встает вопрос: "Как же вы позволили Юдину, члену партбюро, выступить на партийном собрании с такими речами?" Я говорю: "Что вы горячитесь? Он же правду сказал. Надо принять к сведению его критику и принять меры к улучшению информирования людей, к повышению активности рядовых коммунистов". "Значит, ты тоже занимаешь позицию, близкую к антипартийной!" "Нет, это неправда. Вы вчитайтесь хорошенько в материалы XX съезда. В них как раз содержится призыв к повышению внутрипартийной активности". Слинко с нами согласился, Федоров меня поддержал. Вроде все успокоилось, и где-то числа 19 декабря я улетел в командировку в Александровский район читать лекции. Я пробыл там до 3 января 1957 г. А без меня развернулись события, - не приведи Господь! Оказалось, что позиция Слинко не удовлетворила горком (а может быть, обком). Ему дали выговор за бесхребетность и беспринципность. В институте устроили собрание с осуждением предыдущего собрания. Но коммунисты, вдохновленные XX съездом, высказались против такого давления на партийное собрание. Да, это уже оппозиция целого партийного собрания, целой организации! Это уже вещь серьезная. И началось... Юдина пригласили на бюро райкома. Обвинили его там во всех смертных грехах, объявили строгий выговор и предложили дирекции института уволить Юдина как не соответствующего занимаемой должности преподавателя высшей школы. А ведь Юдин был прекрасным преподавателем, и, как выяснилось позднее, блестящим ученым. Он занимался системным методом, стал одним из главных его разработчиков. Рано умер, в 44 года: сказало все пережитое. Посмертно вышла его монография, которая поставила Юдина в ряд крупных философов страны, в ряд лучших умов России. Но это к слову. Вместо того чтобы сесть на поезд и укатить в свою Москву, этот энтузиаст начал борьбу. Написал заявление в горком, считая совершенно неправильными, несправедливыми обвинения в свой адрес. Он писал, что обоснование строгого выговора, вынесенного ему, тянет скорее на исключение из партии. В горкоме с этим согласились, пригласили его к себе и исключили из партии. Э.Г. - в растрепанных чувствах, вокруг друзья-единомышленники. Естественно, под определенным углом, произошедшее энергично обсуждается

(напоминаю, меня в это время не было в Томске): "Видите, мы были правы. Это же не партия, а сплошное безобразие". Нашелся товарищ, который обо всем этом доложил, куда надо (знаю, кто, но говорить не буду, - его уже нет в живых). Скорее всего, было подслушивающее устройство, потому что позднее постоянно цитировались выдержки из этой беседы. Юдин попытался уехать, но его остановили и притащили на бюро обкома, где утвердили исключение его из партии. После этого Юдин сел в поезд и уехал, но в Тайге его сняли с поезда, арестовали и доставили в Томск. Начались допросы. Допрашивали и так называемых свидетелей. Юдина очень быстро сломали, технологии были отработанными, а мастера допросов опытными. Э.Г. был натурой экзальтированной, тонкой, нервной, и он начал говорить о других, частных разговорах, пытаясь доказать, что это нормальная естественная позиция честного человека.

Тем временем в институте тут же организовали партсобрание, которому тоже "переломили хребет". Уже очень многие выступали с осуждением Юдина, с осуждением неправильной позиции партийной организации института. Я прилетел в Томск только 3 января, (погода была нелетная). Мне сообщили, что Юдин арестован, а на следующее утро подъехала машина, и меня увезли на Кирова в то здание, про которое говорили, что из него Колыму видно. Я провел в КГБ целый день. Допрашивал меня капитан Постольник. Очень вежливо, в рамках закона и приличия. Он меня спрашивает, я отвечаю. Он показывает отрывки из показаний Юдина. Я объясняю неточности и передержки, которые там есть. "Вот Вы выступали против выселения крымских татар". "Не помню, чтобы конкретно говорил о них. Я выступал против депортации народов вообще. Это безобразие и нарушение принципов ленинской национальной политики". "Нет, Вы все-таки говорили о крымских татарах". Следователь настаивал на этом, ведь крымских татар выселял Н.С. Хрущев, вот в чем дело. Я снова отвечал, что, честно говоря, не помню, может, и упоминал татар. Зашел кто-то из начальников, кажется, это был Прищепа, и вдруг этак панибратски: "Кончай ты врать! Сознавайся! Мы ведь все равно все знаем". Я говорю: "Хорошо. Давайте эти показания зачеркнем и начнем новые. Говорите, что я должен сказать, что вы хотите от меня услышать?" А он мне: "Как это? Это же нарушение революционной законности". "Да, - говорю, - нарушение". "Вижу, вижу, что ты грамотный в этих делах. Ладно, продолжай допрос (это уже капитану)". И ушел. До вечера снимали с меня показания. Я был достаточно искренен, но зачем мне было признавать антипартийную деятельность? Все эти передержки обнаружились сразу во время допроса. Потом и Юдин подсобразил сам, что много глупостей наделал с этой болтовней, на которую его подтолкнули. Он стал от чего-то отказываться, но это делать было уже гораздо сложнее. Снова проведено собрание в институте, на котором выступил Н.В. Лукьяненко, второй секретарь обкома. А он, надо сказать, перед моим отъездом в командировку, как раз после беседы в райкоме, вызывал меня к себе. Я знал его еще с отцовских времен, именно отец пригласил его в Томск из Асино (по-моему, он был учителем в школе). Николай Викентьевич меня тогда спросил: "Как Вы оцениваете эту ситуацию с Юдиным? Серьезно это или нет?" Я говорю: "С какой стати серьезно? Ну, молодой, где-то горячий. Что Вы хотите иметь в условиях после XX съезда? Никакой антипартийности, никакой антисоветчины в его выступлении не было, и быть не могло. Я считаю, что правильно в райкоме сделали, поговорили и решили, что лучше не раздувать ненужный пожар". После этого разговора я уехал. А здесь, на собрании, Лукьяненко

начинает зачитывать выдержки из писем Юдина к своим друзьям в Москву. Письма изъяли при аресте, и они теперь фигурируют, как доказательства. Лукьяненко читает из письма: "У нас в Советском Союзе все-таки нет социализма, а есть что-то вроде государственного империализма, а, может быть, и похуже", - и обращается к собравшимся, - что вы на это скажете?" Приводит еще несколько выдержек в таком же духе. Все это сейчас никого бы не удивило, а тогда это было основательным потрясением. Лукьяненко продолжает: "Рядовой член партии не участвует в формировании политики партии" - это тоже ужас! Опровержение теории и практики партийного строительства! А Куперт мне говорил, когда я его вызывал, что никакой Юдин не враг, он хороший преподаватель, марксист. Враньем Куперт занимался!" И дальше доклад продолжался в таком же духе. Тут же последовало предложение провести настоящую экзекуцию над "недостойными членами нашей партийной организации", которые так плохо проявили себя в этом деле.

В группу "недостойных" попали также И.М. Шакинко, который очень резко высказывался по поводу решения горкома по Юдину (Юдин в своих показаниях об этом тоже говорил), и литератор, доцент Досекина (она с нами не общалась, я с удивлением узнал об её участии в этой компании), она была возмущена расправой над Юдиным и была полным его сторонником. Их тоже допрашивали в КГБ. Первой допрашивали Досекину. Она все рассказала, как было. А потом, когда допрашивать стали Шакинко, ему сказали: "Досекина и Юдин все о Вас рассказали, и, если Вы будете говорить неправду, мы Вас посадим на два года за дачу ложных показаний. Вы же подписку давали". Он "сдрейфил", и тоже начал подтверждать все, что можно, и сказал, что Юдин даже вроде организацию придумал, которую мы начали создавать в пединституте, хотя это полная чепуха. Партийное собрание было сломлено еще до Нового года, а на собрании с участием Лукьяненка Досекину и Шакинко исключили из партии; расформировали, естественно, бюро, вывели из него Юдина и меня.

Стали готовить дальнейшую расправу, и началась "охота на ведьм". Заседает партбюро, в которое избрали, разумеется, твердокаменных. Вызвали Н.А. Хохлова и давай его "мурожить" на предмет, что он был не просто единомышленником Юдина, но чуть ли не вдохновителем этой группы. Хохлов отбивается, говорит, что они с Юдиным не были близки, что даже поссорились в последнее время. Он, не стесняясь, критиковал Юдина и на том последнем собрании отхлестал его как чужеродный элемент в нашем институте и вообще в обществе. Хохлов отбил. Потом вызывали А.А. Говоркова, который никогда не пройдет мимо спора. Но тот, ни сном - ни духом, ничего не ведал о таких вещах, а в споры его втягивали. По Хохлову приняли решение — объявить строгий выговор и рекомендовать директору уволить как несоответствующего занимаемой должности. Алексей Александрович - человек опытный, начал каяться, ну и, учитывая, что он фронтовик, доцент, ему объявили строгий выговор без рекомендации уволить. Дошла очередь до меня. Я на партбюро заявил, что никаких обвинений не признаю, считаю их надуманными, "высосанными из пальца", необъективными, несправедливыми и т.д. Сколько ни пытались, они ни на чем поймать меня не смогли и, в конце концов, объявили строгий выговор с рекомендацией уволить. Рекомендация звучала так: "Уволить как

допустившего политическую беспечность, политическую беспринципность и притупление бдительности". Вот такая формулировка.

Потом партсобрание. Перед собранием ко мне прибегает В.И. Южанин с кафедры политэкономии и говорит: "Юра, требуют, чтобы я выступил, а я не хочу". Я говорю: "Выступай, а то сейчас меня выгонят, а потом времена ужесточатся, и тебя выгонят". Мне ясно, что все уже организовано, все продумано. Как быть? И вот собрание. Секретарь докладывает о последнем заседании бюро, о том, что у нас в партийной организации творятся позорные вещи, и надо рассмотреть персональные дела некоторых коммунистов. Хохлова очень быстро разобрали. Он покаялся. Говоркова тоже быстро "пропустили". Он тоже покаялся. Формулировки такие, как решило бюро. По каждому были выступающие. Получилось смешно: по Хохлову заставили выступать Виктора Васильевича Скрипченко с факультета иностранных языков. Он говорит примерно то, к чему его подготовили, а потом совершенно не в струю: "Вот Куперт нам всегда помогал". Не сориентировался человек. А Южанин не пришел, вернее, пришел, но уже тогда, когда весь список выступающих был исчерпан, и выглядывал из-за двери. По мне никто не выступает. Тут слово взял сам Василий Федорович и давай меня обвинять во всех смертных грехах. Я начал сопротивляться. Сказал, что это все чепуха, что меня обвиняют несправедливо: "Вы же меня хорошо знаете, в институте, в парторганизации я проработал с вами уже два года. Вы отлично понимаете, что все это неправда. Тут слишком много придумано, навешано на меня то, что доказать невозможно". Ну, а конкретные обвинения я опровергал. На бюро райкома все шло сначала гладко. Дошли до меня. Я опять все опровергал, даже, может быть, еще резче. Честно сказать, я рассчитывал на поддержку членов бюро райкома Пугач, Смирнова и Смышляева. Виталий Смышляев был секретарем РК ВЛКСМ. Он меня достаточно хорошо знал, так как учился параллельно на юридическом факультете, и мы были в хороших отношениях. Я все отрицаю, а мне задают вопрос: "Говорил Юдин при Вас о стачках рабочих?" "Говорил, ну и что? Я-то в чем виноват?" "Почему не пришли в райком и не сообщили нам?" А я говорю: "Да как-то не принято доносить". Они тут взбеленились. Выступает Ермаков, военком, говорит: "Что делается! Те хоть вину признавали. А этот! При нем клеветают на рабочий класс, а он считает, что так и надо, и даже в райком не идет. Я предлагаю исключить его из партии". Меня исключили. Раз исключили, - меня оперативно уволили из института и записали в трудовую книжку ту формулировку, которая была первоначально. У других формулировка оказалась другая - "как не соответствующий занимаемой должности". Так что, если Хохлов сегодня начнет борьбу за право быть реабилитированным, ему будет сложно что-то доказать. А у меня в трудовой книжке записана абсолютно политическая формулировка. Суду этого будет достаточно. Исключение из партии - "удовольствие" ниже среднего. Ощущения у меня были очень тяжелые. На бюро горкома говорю, что считаю несправедливым то, как со мной поступили: "Вы посмотрите, на партийном собрании не было никаких серьезных аргументов против меня. И только довольно поверхностное выступление Федорова. Прочитав стенограмму, вы увидите, меня никто не обвинял, а мне досталось больше других. На бюро райкома меня обвинили в том, что я что-то слышал и не прибежал в райком доложить об этом. Мало ли что мы слышим в жизни, мы же не бегаем по всякому поводу в райком. Все это неправильно и несправедливо". Еще что-то сказал в том же духе. "Ну, ладно, выйдите за дверь". Слышу, за дверью спорят, спорят, выделяется голос

Новоселова, редактора "Красного знамени". Потом приглашают меня зайти. "Мы пришли к следующему выводу: признать, что Куперт заслуживает исключения из партии, но, учитывая его раскаяние, объявить строгий выговор". Я только раскрыл рот, чтобы возразить, но тут кто-то из членов горкома подтолкнул меня и говорит: "Ну, хватит, иди!"

Решил искать правду. Где её искать? Правду, как известно, принято искать во дворцах. Я собрался ехать в Москву, в ЦК партии с тем, чтобы там добиться этой правды. Считал, что дело выеденного яйца не стоит. Посоветовался с отцом. Он ни с кем там в Москве не общался, посоветовал обратиться к Н.И. Беляеву, который в то время был секретарем ЦК, может быть, он поможет. Приехал в Москву, - оказалось, что Беляев в отпуске. Попробовал к М.А. Суслову. Суслова тоже не было, тоже в отпуске. Куда деваться? Попробовал к Н.М. Швернику, председателю Комитета партийного контроля. Его тоже не оказалось в Москве. Тогда позвонил его заму - Комарову. Объяснил, в чем дело, меня отослали с этим к инструктору ЦК по Томской области Фролову. Тот согласился меня принять. Захожу к нему в кабинет, объясняю, что вот такая ситуация, что хотел бы, чтобы в этом разобрались, что меня ни за что - ни про что, по пустяковым обвинениям, выгнали с работы, а я ничего больше не умею. Вместо "Здравствуй. Давай подумаем, как тут быть" он в очень грубой форме мне говорит: "Ну, что ты тут лазишь? Что тебе тут надо? Ты что, хочешь, чтобы мы тебя из партии исключили за твои дела?" Раз такое дело, я тоже, не прощаясь, встал и вышел. Но дело-то не сделано. Звоню в приемную секретаря ЦК Д.Т. Шепилова, объясняю, в чем дело. Помощник отвечает, что он доложит и, чтобы завтра я позвонил. Назавтра звоню, отвечает: "Я доложил Шепилкову, Он отнесся очень благожелательно, сказал, что поможет Вам". И далее мне назначили время приема, где-то через два дня, как помнится, на 11 часов утра, сказали, что пропуск будет выписан. Прихожу в назначенное время, никакого пропуска нет. Я звоню в приемную. Еле-еле дозвонился, а мне отвечают: "Сейчас не до Вас. Приезжайте через месяц - через два, тогда можно будет заняться и Вами". Я не знал, в чем дело. Меня опять легонько пнули. Дальше держаться было, конечно, довольно сложно и я уехал. В поезде слышу, что разгромлена антипартийная группа, называются фамилии и "примкнувший к ним Шепилов". То есть я попал как раз в эту котовасию. До сих пор не знаю, хорошо или плохо, что не попал тогда к Шепилову. Вероятно, если бы он мне помог, меня, как примкнувшего к этой антипартийной группе, вообще вышибли бы отовсюду.

В Куйбышеве я ненадолго задержался, вернулся в Томск. Что делать? Денег-то уже нет. Все, что получил при увольнении, истрачено. Встречаю Хохлова, он мне говорит, что устроился балансировщиком на "Сибэлектромотор", а я ему: "Нет, я не буду торопиться на завод. Что-то особого желания не испытываю". А тут подвернулась группа ребят, среди которых у меня были знакомые по спорту, и меня пригласили в стройбригаду. Были тогда такие "дикие" бригады, которые строили по найму. Пришел я в эту бригаду. Теперь вот горжусь, что есть в Томске дом, который я построил своими руками. Это на ул. Мельничной, деревянный, двухэтажный. Дом построили, у меня опять деньги кончаются. Ищу, куда бы еще пристроиться. В поисках работы я совался туда, сюда, но с таким волчьим билетом меня никуда не брали. Формулировка в трудовой книжке на всю страницу сразу отпугивала.

Но было ведь еще "недремлющее око". Я скоро в этом убедился. В один прекрасный сентябрьский день у меня появляется участковый милиционер и спрашивает, где я работаю, просит показать документы. Отвечаю, что нигде не работаю. "А-а, так Вы нигде не работаете!" - и пишет мне предписание в течение 48-и часов устроиться на работу, либо покинуть Томск, так как я нарушаю правила советского общества и занимаюсь тунеядством. предупреждает о вытекающих отсюда последствиях. Я понимаю, что мышеловка захлопнулась, и надо как-то из неё выбираться. Раз уж дорожка проторенная, я по стопам Хохлова отправился на завод. Кстати, Н.С. Черкасов, талантливейший ученый, которого тогда же, примерно за похожее (может быть в меньших размерах) дело, изгнали из университета, устроился экспедитором на ТЭМЗ. Пришел я в отдел кадров "Сибэлектромотора", мне говорят, что у них вакансий нет. "Как это нет, когда везде объявления висят?" "Вы же старший преподаватель вуза, у нас подходящей для Вас работы совершенно нет". "Но Хохлов же работает у вас". "Ну, у него работа более или менее интеллигентная: взять, переложить и т.д.". "А какая у вас все-таки есть работа?" "В литейном цехе. Требуются заливщики, обрубщики. Но это грязная и тяжелая работа. Это не для Вас". "Почему же? Я могу и здесь начать". "Вы не выдержите. Уже через неделю придете. Там никто не выдерживает". "Попробуем, посмотрим". Да, рабочая сила им всегда была нужна, не то, что сейчас. Пришел к начальнику цеха Сулейманову, он определил меня к мастеру. Мастер определил участок работы: носить ковши с металлом и заливать формы. Начал работать. Дело в том, что физически я был очень хорошо подготовлен, потому что много занимался спортом. Работа, конечно, тяжелая, неприятная. Металл плещется, летят брызги, иной раз попадают за шиворот, несмотря на наличие капюшона. Ну, ничего, не страшно. Самое досадное было, что там ребята были все здоровые, крупные, и со мной ковши носить им было несподручно. Когда заболел один рабочий, они поставили меня на конвейер снимать готовые корпуса моторов после литья. Работа очень тяжелая. Нужно все время успевать. Очень жарко, там уже ничего не ешь, а в основном только пьешь. С непривычки первое время страшно уставал. Но эта работа тоже недолго продолжалась. Несколько рабочих ушло у них с обрубки, и попросили меня временно поработать на этом участке. Правда, мастер при этом сказал: "Зря тебя Сулейманов на это дело соблазнил, ты же не выдержишь". Опять говорю: "Посмотрим". Я должен был обрубать окалину с корпусов моторов. И вот пневматический молоток, большой и тяжелый, неудобный в обращении, плюс другие подручные средства: молоток, зубило, наждак.

Надо сказать, что народ в смене, в которой я работал, был хороший. Некоторые по 5-8 лет работали на этом месте (в основном, люди пожилого возраста, да двое молодых парней). Они все относились ко мне очень внимательно, я бы сказал, бережно. Понимая, что у меня не сразу будет получаться, они говорили мне, чтобы я потерпел, подсовывали сначала работу полегче, чтобы я имел возможность приноровиться к их ритму. Как сейчас помню: за первый день я заработал 2 р. 48 коп. Сравнить если - совсем недавно я получал 2200 р. в месяц. За первый месяц работы на заводе у меня получилась очень мизерная зарплата. Там же нормы, расценки. Было очень тяжело. Надержишься за этот молоток, повороchaешь корпуса моторов, которые весом от 30 кг. были, приходишь домой, - пальцы на руках не разгибаются. Жена мне их разгибает и плачет. Но я же был спортсменом, и знал, что во всяком деле нужна тренировка. А еще решил пораскинуть умом. Стал

внимательно наблюдать за работой своих напарников. Со мной работал Шатилов, и у него были высокие показатели. Умница человек. Был еще немец Тейзе. Он работал хорошо, методично, неторопливо и без всяких перерывов, перекуров. Даже приходил пораньше на смену, и у него выработка тоже солидная была. Ну, а Шатилов тот более талантливо работал и применял какие-то свои оригинальные приемы. Я приглядывался, сам прикидывал, как лучше, как эффективнее, как быстрее все сделать. Получилось так, что через 4 месяца моей работы вдруг на собрании бригады в конце текущего месяца старший мастер говорит: "По итогам этого месяца нашему цеху выделили две премии. Одну премию получает Мастеров, (он работал в другой смене, талантливый парень, если бы не пил, цены бы ему не было), на другую претендует Куперт". Все так и ахнули, я - тоже. "По итогам работы Куперт занял 2-е место". Я подумал и говорю: "Нет, ребята, вы мне премию не давайте, а лучше походатайствуйте, чтобы мне благодарность объявили". Мне ведь выговор надо было снимать. Мастер пообещал переговорить с начальником смены. Начальник смены подходит ко мне в конце рабочего дня и говорит: "Нет, мы тебе все-таки премию дадим, ты как бы политически неблагонадежный, и благодарность мы тебе не будем объявлять".

Надо сказать, что я проявил себя на заводе как человек общественно активный. Быстро освоился с народом. У меня сложились прекрасные отношения в коллективе. В перерывах обязательно что-нибудь рассказывал по истории (знания в известном количестве были). Кроме того, выступал со статьями в заводской газете, потом прочитал курс лекций по истории г. Томска, курс о К. Марксе: кто он, что он и как, ведь люди обычно только слышали о Марксе и о марксизме, а толком-то ничего об этом не знали. Читал еще какие-то лекции на самые разные темы, не столько политические, сколько познавательные. Я очень много этим занимался, мне было нетрудно и даже интересно. Продолжал регулярно получать премии. Прошло полгода. Однажды секретарь цеховой партийной организации говорит, что пора ходатайствовать о снятии мне выговора. Говорю: "По Уставу уже можно, но по традиции только через год обычно снимают". "Раз по Уставу можно, буду вносить этот вопрос на обсуждение партбюро". Партсобрание цеха мне выговор снимает. Затем общее партсобрание завода. Задают вопросы. Я что-то начал объяснять, увлекся. Тут кто-то сказал: "Да нет, рано ему еще выговор снимать. Что он пришел нам лекции читать?" Тут поднялись мои цеховые. Особенно сильным было выступление одной женщины, старшего технолога. Я даже не ожидал. Она говорила о том, как я хорошо работаю на производстве и при этом веду большую общественную работу. "Посмотрите, раньше зайдешь в курилку, там мат-перемат, анекдоты сальные, а сейчас там обсуждаются проблемы мировой политики. Это же просто удовольствие слышать!" И дальше в таком духе. Выступил также Шатилов, мой напарник по цеху. Выговор мне сняли.

Продолжаю работать. На душе поспокойней стало. Втянулся, все получалось, отношения хорошие. Встречаю как-то одного знакомого - завуча школы № 48 Вишнякова Захара Тарасовича. Он мне говорит: "Юрий Васильевич, переходи к нам в школу, у нас сейчас физрука нет". "Почему бы и нет, - говорю, - можно". Он пообещал переговорить с директором (тогда была К.И. Еременко). И они меня быстренько оформили. "С 15 августа приступайте". Ну, думаю, ладно, только как-то не очень хорошо, схожу-ка я в обком к

Соколовой Екатерине Михайловне. Она в то время возглавляла отдел вузов и хорошо меня знала. Я же был раньше зам. секретаря партбюро института и часто с ней общался. Но вот я пришел, и она беседует со мной совершенно как с чужим человеком. Я рассказываю ей, что вот я поработал на заводе, выговор мне сняли, что теперь хотел бы перейти в школу, и как она на это посмотрит. А она: "Ну что Вы, что Вы. Ведь Николай Викентьевич Лукьяненко сказал, чтобы Вы ехали на Север и там поработали. Вот и поезжайте. Почему Вы боитесь ехать?" Я говорю: "Екатерина Михайловна, посмотрите на мои руки, - а на них страшно было смотреть, - я сегодня ничего не боюсь, и Николая Викентьевича не боюсь, и Вас не боюсь". И ушел. В школу я был уже принят, а пришел в обком так, для страховки и ради интереса. Иду на завод к Сулейманову, прошу уволить. Он отвечает, что об этом не может быть и речи, и что уволить он меня может только в соответствии с законом, т.е. отработкой. Стараюсь убедить его, что мне нужно уволиться немедленно, что меня уже в школу приняли, ссылаюсь на наши хорошие отношения. А он: "Ты что не понимаешь, у меня ведь летом половина рабочих поувольнялась!" Да, было такое в то время, когда летом рабочие на период заготовок увольнялись, а потом устраивались снова и работали, "У меня в цеху, - говорит, - завал моторов лежит". Завал был понятен: моторы просто "запороли" на формовке, а расценки на их обработку были низкими, поднимать их никто не собирался, вот люди и не хотели заниматься этими моторами, Я и сказал об этом Сулейманову. Уже совершенно спокойно говорил. А до этого разговора, где-то месяца за три, был в связи с этим неприятный для меня инцидент в цеху. Формовщики тогда запороли очередную партию корпусов моторов. Обрубщики опять ничего на них не заработают. И вот прихожу я на 3-ю смену, - опоздал немного, т.к. в редакцию заходил, (это не возбранялось). Вижу, сидят все и не работают. Спрашиваю, чего это они сидят. Они отвечают, что ни первая, ни вторая смена не работала, и мы не будем работать. "Посмотри, какие корпуса! Первая смена потребовала, чтобы повысили расценки. Начальство цеха отказалось, и они всю смену просидели. 2-ая смена тоже потребовала повысить расценки, - результат тот же, ну и мы не будем работать. Как раз к нам начальник цеха идет и главный инженер (Извеков). Я немедленно взялся за отбойный молоток и тут же раскрутил его. Подходят: "Почему не работаете?" Шатилов говорит: "Вы же знаете, почему. Повысьте расценки, начнем работать. А так мы слишком мало заработаем". "Но вы же так вообще ничего не заработаете!" "Не заработаем, но хоть отдохнем". Начальник цеха обращается ко мне: "А Вы почему не работаете?" "У меня молоток сломался". Я молоток налаживаю, а они стоят поодаль, не уходят. Подходит ко мне Шатилов и говорит: "Мы тут посоветовались, ты давай налаживай и работай. Тебе в этом деле никак нельзя участвовать". Я сказал ему спасибо, собрал молоток и стал работать. Но это называется "итальянская забастовка": вроде работаешь, а ничего не двигается с места. Смотрит начальство, - вроде не прицепишься, и они ушли. На следующее утро пошел сразу в партбюро завода. Секретарем был Лебедев. Говорю ему: "Разве так можно поступать? Сулейманов и Извеков меня, коммуниста, в глазах рабочих пытались самым настоящим штрейкбрехером сделать! При этом воспользовались моим сомнительным положением, (тогда выговор еще не был снят прим. авт.), решили меня еще подставить и политически. Стали бы следом говорить, что вот, мол, какой политически неблагонадежный, - пришел на завод и тут забастовку организовал. Разве так вообще поступают?" Достаточно хладнокровно, но очень жестко говорил - Лебедев созвонился с директором, тот согласился, что нехорошо получилось. Насколько я

понимаю, какая-то устная выволочка и Сулейманову и Извекову была. Главный инженер, конечно, не должен был так поступать. Он потом был неплохим директором. Но тогда поступил не очень красиво. И вот теперь я с полным основанием мог говорить Сулейманову, что по таким расценкам, с такими грязными корпусами никто работать не захочет, что полно работы более выгодной. А он: "Сейчас такая ситуация, совсем некому работать. Давай, оставайся!" Я опять: "Не могу остаться". "Хорошо, - говорит, - сделаешь 30 корпусов, тогда я немедленно подпишу заявление". 30 корпусов - это очень много. Это 500% дневной нормы. Я прикидываю, что никак не успеваю. Потом думаю, была - не была. Договорился с девочками-крановщицами: как только махну рукой, цепляйте корпус и мне везите, ну и пр. Подготовил несколько вариантов заточенных инструментов и с утра принялся за работу. Правда, не за смену, чуть прихватил и другую, сделал я эти 30 корпусов. Приемщицы у меня их приняли. Вызывают Сулейманова. У него глаза на лоб полезли. И вот, сделав практически за смену 500%, я ушел с завода. Интересно, что этот случай стал для меня первой полезной каплей эликсира. Вторую я получил в школе.

Начал работать преподавателем физкультуры. Спорт я знал. Был и гимнастом, и лыжником, и игровиком. Запомнил на всю жизнь первую встречу с 10 "а" классом. Урок физкультуры. Захожу в зал и совершенно оглушен: гвалт стоит невероятный, шум, беготня, бросают друг в друга портфели. Боже мой! Полнейший хаос. Еле-еле я их остановил, начал внушать, что и как. В общем, первое впечатление аховое. И вспоминаю последний урок в этом же классе в конце учебного года. Я захожу в зал, класс выстроен, дежурный докладывает, несколько девочек сидят на стульях у стены. Все в форме: черные трусы и белая майка. Коротко объясняю задачу. Каждый знает свой распорядок, что кому делать. Все занимаются с азартом, с удовольствием, получают свои баллы. И никаких проблем. Но чего это стоило! Во-первых, я прочитал массу литературы всякой; по спортивной педагогике, по лечебной физкультуре. Более всего я боялся навредить организму ребенка. Я знал, как преподают физкультуру в школе. Это же был настоящий ужас! Учителя физкультуры запарывали детям здоровье с ходу. Вот объявляют соревнование. Бег. Дети 5-6-х классов (особенно в этом возрасте) бегут на пределе сил. Ребенок не готов совершенно к такому забегу, его сердце не готово, его система не готова, а он бежит. Портит здоровье вместо оздоровления. К сожалению, это было, да и сейчас наверняка есть, хотя все-таки уровень преподавания физической культуры сейчас в школах выше. Много дает в этом плане педагогический университет. Перечитав массу литературы, я уроки строил в соответствии с педагогикой. Нагрузки повышал равномерно, по науке и довел ребят до очень высокого уровня. Мне в этом очень помогала моя бывшая студентка, а тогда 2-й преподаватель физкультуры, Изольда Мельникова. Мы с ней очень здорово работали в паре. Вел я и секции разные. Получилось так, что школа к концу учебного года занимала одно из первых мест в городе. Мы входили в первую тройку по итогам разных спартакиад, так как имели высокие показатели. Отлично стала играть баскетбольная команда. Позднее, когда меня уже в школе не было, девочки из этой команды играли в сборной области. Я понял, что и здесь у меня тоже получилось. Директором школы между тем стал Вишняков, а Клавдию Ивановну назначили директором школы № 6. Вишняков поддерживал меня во всем. Так, в школе каждое утро в 8.15 стали проводить линейку и зарядку. Зарядка проходила под аккордеон, на котором играл еще один опальный — Дун Евгений Михайлович, бывший преподаватель кафедры

философии ТГУ, бывший ответсекретарь университетской газеты "За советскую науку". Перед нашумевшим тогда диспутом он в своей газете опубликовал вопросы к диспуту, причем согласовал их с членом парткома Н.Ф. Бабушкиным. Но после диспута, на котором выступил студент Швейник ("...моего отца сгноили в застенках ГПУ", - и так далее, как говорят, понеслась душа в рай), начались партийные разборки. Бабушкин сказал, что ничего ему Дун не показывал, и Дуна за составление провокационных вопросов выгнали из университета. С тех пор он преподавал пение и географию в 48-й школе, а теперь еще играл на зарядке. Я командовал зарядкой. Это было полезно для детей, для школы в целом, так как дисциплинировало ребят. Учащиеся уже не опаздывали на уроки, и уроки начинались более организованно. Ведь строй, помимо всего прочего, дисциплинирует. Иногда проводил политинформации, но в основном занимался физкультурой.

Когда Вишнякова назначили директором, он предложил мне стать завучем и преподавать вместо него историю в 6-х классах (себе он оставлял старшие классы). Для меня наступило счастливое время. Я с таким наслаждением преподавал историю в 6-х классах, что мне и сейчас приятно об этом вспоминать. Я опять с чего начал? Решил учить по-новому. Ничего не задавал учащимся на дом. Я им рассказывал материал, спрашивал тут же, ставил оценки. И все, и отдыхайте. Конечно, некоторые ребята, кто не мог сразу с лета так запоминать, старались дома почитать учебник вперед, получалось еще лучше. Чтобы провести курс истории Древнего Рима в 6-ом классе я перечитал все пять томов Моммзена, перечитал массу другой литературы и очень серьезно готовился к каждому уроку. Получалось так, что учащийся слышал как бы не то, что написано в учебнике, а совсем все по-другому. Шестиклассники - народ эмоциональный, энергичный, для них проблема высидеть урок, только слушая, и не вертеться. У меня проблем с дисциплиной не было вообще. Дети очень внимательно слушали. Моей задачей было выработать у них установку на запоминание, на усвоение. Ведь успех обучения зависит от установки. Если нет установки на запоминание, можно слушать и ничего не запомнить. Маленький человек все быстрее усваивает, и у него быстрее вырабатываются адаптационные навыки. Я старался рассказывать интересно, иногда показывал какие-то картины, например "Бой гладиаторов". На городском методическом объединении учителей-историков города я рассказал о своем опыте. Большинству это понравилось, но некоторые скептически отнеслись к услышанному. Спустя много лет я узнал, что подобный метод обучения возник уже в стране и получил затем распространение. А тогда я предложил коллегам прийти ко мне на открытый урок. Чтобы удостовериться, как дети хорошо запоминают, посоветовал заготовить какие-то факты, даты, цифры по теме, которых нет в учебнике, и буквально перед уроком сообщить мне для включения в рассказ. Так и сделали (некоторые не поленились). Ребяшки мои выглядели блестяще. Мой опыт удался, дети настолько хорошо адаптировались, что для них не было уже никаких проблем усвоить, запомнить то, что рассказал, ответить на любой поставленный вопрос. Я думаю, что так и надо учить в школе, во всяком случае, по большинству предметов. Выработанная в школе установка на усвоение услышанного материала может помочь в дальнейшей учебе в вузе. Можно прослушать лекцию, а потом прийти домой и записать её. А наши выпускники зачастую не привыкли и не умеют слушать, не умеют выделить главное, - вот в чем проблема.

Я работал в школе с 1958 г. по 1960 г. Подходил к концу мой второй учебный год, когда Захар Тарасович передал мне свой разговор с зав. горно Лидией Алексеевной Ионикан. Когда я учился в 8-й школе, она преподавала у нас русский язык и литературу. Я учился у неё не то в 7-м, не то в 8-м классе. Это была очень сильная, красивая и эффектная женщина - стиль пушкинской красавицы. Очень строгая и холодная. У неё никогда не было проблем ни с дисциплиной, ни с усвоением. Я её, конечно, ценил всегда очень высоко. Она, видимо, наблюдала за моей педагогической деятельностью или наслышана была и вот предложила Вишнякову перейти директором в какую-то другую школу, а мне передать 48-ю. Хотя, может, он сам меня предложил, не знаю точно. Я ему сказал тогда, если можно быть директором, то почему бы не разрешить мне вернуться в вуз. Он пообещал поговорить об этом в горкоме партии.

Третьим секретарем в горкоме была Ивченко Евдокия Васильевна. Я её тоже хорошо знал до всех этих событий, когда она была еще инструктором горкома. Захар Тарасович начал с ней разговор обо мне, о вузе, а она: "Куда они лезут? Пусть сидят и не рыпаются. Нечего им в вузе делать!" А тут как раз открылась вакансия на кафедре истории КПСС в ТПИ, им был нужен ассистент. Я пришел к зав. кафедрой Тутолминой Ольге Николаевне и говорю, что с удовольствием бы поработал у них на кафедре. Она ответила, что слышала про мои лекции и с большой радостью бы меня взяла, но не может перепрыгнуть через горком, что нужно разрешение Ивченко. Что делать? Все-таки во мне живет где-то авантюрист. В общем-то, я человек скромный, но, видимо, бывают такие жизненные ситуации, когда без авантюризма не обойтись. Набрался храбрости и звоню Евдокии Васильевне. Благодарю её за согласие, которое она дала на мой переход из школы в ТПИ. Она растеряна, она сомневается уже, что её правильно понял Захар Тарасович. Сказать прямо сразу мне об этом ей неудобно, тем более что мы всегда с ней были в хороших отношениях, и она часто привлекала меня на разные мероприятия. Пауза на том конце провода и, наконец: "Ну, я же знаю, какой Вы работник. Скажите Ольге Николаевне, что я согласна". Вот и все. И я перешел из школы в политехнический институт.

Проработав три года старшим преподавателем, я, наконец-то, стал ассистентом, правда, не надолго, где-то с полгода. Начал читать лекции. Мне дали сразу три потока, причем очень крупных (по 350-400 человек), да еще сборных. Они заполняли самые большие аудитории института. Буквально через месяц с начала моей работы надолго заболела доцент кафедры Макаева Анастасия Тимофеевна (ларингит), прекрасная женщина, умница, я всегда восхищался ею. Я взял еще и её три потока, плюс, естественно, семинары. Нагрузка совершенно сумасшедшая! Но после пединститута мне было совершенно не страшно: там мне доводилось читать и по 12 часов подряд. Голоса у меня, слава богу, хватало на любую аудиторию, даже потом и на конференц - зал ТГУ. Я с большим интересом строил свои новые курсы, не принимая уже в расчет "Краткий курс". Это было настоящее творчество. Читал с огромным наслаждением. А это ведь передается и студентам, никуда от этого не денешься. Они тоже с удовольствием слушали. Видимо, все-таки более-менее интересно читал. Как сейчас помню, пришел на первую лекцию поток геологоразведочного факультета. Аудиторию дали тесноватую, даже ступеньки были заняты. Думаю, ладно, постепенно все уляжется. Но и на последних лекциях была такая же картина. Бывают некоторые потоки, которые располагают к себе особо. Так было

с этим факультетом, - ребята очень располагали к себе. Я читал им с вдохновением. Правда, эти геологи потом на экзаменах наполучали "троек", но тут уж ничего не поделаешь, Но был у меня и единственный случай, когда в одной группе физико-техников я поставил только две "четверки", все остальные были "пятерки". Тогда это были отборные студенты, которые учились с большим желанием и азартом. У меня есть фото, которое они мне подарили. Великолепная была группа (кажется группа 061).

В политехническом институте я тоже старался в чем-то проявлять новаторство. В тот первый для меня учебный год в ТПИ на кафедре работало много молодых преподавателей. Хотя я тоже был молод, но все же имел уже некоторый опыт чтения лекций, и я организовал для ассистентов семинар. Рассказывал о построении лекций, давал схему лекции и пр. Некоторые до сих пор вспоминают и говорят, что преподавать в вузе научились у меня (например, Майя Гапонова, которая преподает сейчас в Кемерово). Через год ввели курс для инженерных специальностей: если до этого читался общий курс истории КПСС в 1,5 года, то теперь для будущих инженеров - в 1 год. Первый такой курс пришлось читать мне на ФТФ. Постепенно все стали переходить на этот одногодичный курс. А тем временем я отпросился из ТПИ в аспирантуру. При этом интересный разговор состоялся с Казачеком. Незабвенный Казачек, проректор по учебной работе, человек был очень своеобразный. Его как-то побаивались за жесткость. Студенты не знали, что он все время заботился о них, "болел" за них. Если вызывали к Казачеку, студенту казалось, что все, выгонит из института, но получалось, что после этого нагоняй бывал обычно преподавателям за невнимательное отношение к студенту, за недостаточное консультирование студентов. "Ты вначале научи студента, а потом спрашивай". Правильная, конечно, идея. Он был бюрократ, но бюрократ в хорошем смысле. Если к нему попадала бумажка, он её долго крутил, вертел, обязательно что-нибудь находил и, хоть запятую, но обязательно исправит. Так, на моем заявлении он написал: "Отправить в аспирантуру для ТПИ". Потом из этого ничего не вышло, хотя небольшой скандал все-таки возник.

Где-то за 1,5 года я написал диссертацию, довел её до ума. Зав. кафедрой истории КПСС в ТГУ был тогда Василий Сергеевич Флеров, а моим научным руководителем А.Т. Коняев. Он был специалистом по первой русской революции, а я писал работу по коллективизации. Но я благодарен ему за то, что он был очень внимателен ко мне, и не опекал чрезмерно. Диссертацию мою он прочитал перед окончательным обсуждением, за что я ему вдвойне благодарен, потому что она была величиной в 504 машинописные страницы (тогда объем работы не ограничивался, и кандидатская оказалась по объему больше моей докторской диссертации). Замечаний было немного, да и специалистов больших по моей проблеме на кафедре не было. Это уже потом они появились вместе со мной. Оппонентами у меня были И.М. Разгон и Л.В. Малыхин, которого я помнил по студенчеству.

Защитил диссертацию досрочно, и встал вопрос о моей работе. В это время В.С. Флеров уехал куда-то, кажется на стажировку, и его замещал М.С. Кузнецов. Михаил Сергеевич, сославшись на разговор с Флеровым, предложил остаться на кафедре ассистентом. Я говорю: "Михаил Сергеевич, это же смешно. В ассистенты я, конечно, не пойду, об этом не может быть и речи, тем более уже диссертацию защитил". Тогда он пошел к ректору А.П.

Бычкову, который сменил А.И. Данилова, и тот немедленно выделил кафедре ставку старшего преподавателя. Я остался работать в университете (1963 г.). Немедленно последовал выпад из ТПИ, они требовали моего возвращения и имели на меня виды в связи с открытием новой кафедры научного коммунизма. Но я не вернулся. Очень скоро стал доцентом. В.С. Флеров рано, надо отдать ему должное, доверил мне подготовку аспирантов. Не случайно у меня ныне уже 33 кандидата наук подготовлено.

Время, когда я стал работать в ТГУ, было тоже интересным. С одной стороны появилась возможность для творческой работы. Именно в начале 60-х годов. Преподавание истории КПСС перестраивалось на более честный, более объективный курс. Те идеи, за которые пострадал, ныне я мог уже высказывать более свободно. Например, та формулировка, за которую тогда все зацепились, - "рядовые члены партии не принимают участия в формировании политики партии" - появлялась теперь в передовых статьях газеты "Правда". Ситуация существенно изменилась, и вот в этой связи появилась возможность именно творческого отношения к делу. Еще до аспирантуры я был направлен в институт повышения квалификации при МГУ. Я старался максимально полезнее использовать время пребывания в Москве. Очень много работал в библиотеке, архивах, особенно в ЦГАОРе. Стали доступными многие документальные материалы, и я активно этим пользовался. Но однажды прихожу в архив, а часть выписанных мной дел мне не выдали. "Эти дела не выдаются". Как раз проходило Всесоюзное совещание историков (1962 г.), где мне довелось присутствовать. После доклада секретаря ЦК Пономарева мы с Серебряковым, доцентом из Горьковского университета, подаем ему записку: "...те архивные дела, которые выдавались исследователям при Сталине, оказывается, теперь не выдаются, а Вы говорите об открытости, о том, что нужно говорить правду"... и т.д. И было на совещании знаменитое выступление Снегова. Он остался в памяти атакующим систему сталинизма бойцом. Хотя его выступление и не получило на совещании поддержки, но имело большой резонанс среди историков, которые присутствовали там. Снегову не удалось "подружиться" ни со Сталиным, ни с Хрущевым. На совещании он выступал в защиту истории партии. Он говорил, что при Сталине история партии была наложницей, а сейчас её никак не хотят вывести из того тупика, в котором она осталась, что пора говорить правду, и всю правду, не прикрываться тем, что вот, были де какие-то недостатки в условиях культа личности, нужно говорить о том, что была порочна сама система, это система подавления, система террора. К таким речам в 1962 г. еще не привыкли, хотя уже много говорили о культе личности, как раз вынесли Сталина из мавзолея, но сам партийный аппарат не был готов ко всему этому. Снегову на совещании был дан отпор. Я отлично помню, как через некоторое время после XX съезда партии в обкоме проводилось совещание партийных работников, и мне Н.Г. Смирнов - зав. отделом Кировского райкома - рассказывал о том, что выступавший на совещании Лукьяненко чуть стол не разбил. Стуча по нему кулаком, он кричал: "Начали уже портреты Сталина из кабинетов выбрасывать! Нужно бить по мордам, по мордам тех, кто это делает!" Вот такие люди оставались у руководства партии и в 60-ые годы.

После того совещания историков, на котором мы послали записку, прихожу в архив, а мой стол завален папками, сесть некуда. Выдали все дела, которые я раньше выписывал и не получил. Но тут же читальный зал закрыли на ремонт. Что делать? Идем с Серебряковым

(он тоже учился в ИПК, и тоже серьезно работал в архиве) к зав. архивом, и он разрешает нам работать непосредственно в хранилищах. Приходили в хранилище, занимались, сами доставали папочки, нумеровали листы в делах, если не было нумерации, пользовались любыми материалами. Я тогда там столько материала набрал, что мне и на докторскую хватило! И в партархивах тогда ситуация тоже резко изменилась. Они не стали выдавать нам все фонды, но количество их расширилось. В ЦПА раньше выдавали только документы информационного отдела ЦК, и только материал по региону, из которого приехал исследователь. Теперь я получил возможность поработать с телеграммами и письмами, ведь там можно было найти ценнейший материал, получил документы Центральной контрольной комиссии, к которым раньше близко не подпускали. Подходил на проверку со своей тетрадью, в ней ставили штамп, и можешь быть свободен: никто ничего не хотел смотреть в наших выписках. Да, был такой краткий момент свободы и счастья для исследователя. Действительно счастье, когда ты можешь получать те материалы, которые тебе нужны. Вне сомнений, то, что нам удалось взять в архивах в это время, способствовало созданию более объективной исторической картины. Позднее все опять стало меняться в худшую сторону. Стали опять закрывать архивные фонды и закрыли еще больше. Я, правда, многое успел тогда набрать и в центральных архивах, и в Новосибирском партархиве (центр края ведь долгие годы находился в Новосибирске). В партийных и государственных архивах работал с документами суда, прокуратуры, делами контрольных комиссий, материалами по чисткам и пр., и пр. И потом уже, когда писал докторскую диссертацию, мне в одном из архивов говорят: "Только имейте в виду, что материалы по чисткам мы не даем". А я говорю: "Мне и не надо, у меня есть уже такие материалы". "Как есть?" А я: "Откройте мое дело". Смотрят, - да, все, что они закрыли, у меня уже использовано. А вообще-то - это пустое дело - запрещать делать те или иные выписки. Нужно тогда вообще не пускать исследователя в архив. Ну, а уж если ты его пускаешь, он все равно найдет способ обойти запреты. Я сам обходил и своих аспирантов этому учил.

Ситуация в стране заметно менялась. Как всегда в нашей истории, начал дурить первый лидер. Я имею в виду Н.С. Хрущева. Никита Сергеевич сделал как много хорошего, так и много плохого. Он от смелости, которую проявил при разоблачении культа личности, постепенно перешел к самодурству, не зная, конечно, что самодурство есть не что иное, как стремление прикрыть собственное ничтожество. Тот субъективизм, о котором у нас говорят, он, безусловно, имел место. За примерами далеко ходить не надо. Достаточно вспомнить Крым. А мы можем вспомнить и еще одну вещь - про нашу университетскую научную библиотеку. С ней поступили точно так же, как с Крымом. Открывался Академгородок в Новосибирске, начали строить ГПНТБ, почти построили. Строительство вел Лаврентьев, Хрущёв принимал в этом большое участие. И вот Хрущёв в 1957 г. отобрал у Томского университета, его научной библиотеки обязательный экземпляр и подарил его ГПНТБ. Абсолютно идентично с Крымом! И результат такой же отрицательный. Обокрасть, таким образом, самую богатую научную библиотеку Сибири - это величайшее варварство и хулиганство! Можно было сделать все гораздо умнее, если бы голова немножко работала. Дал бы еще один экземпляр новосибирской библиотеке, и все. Нет, надо было именно таким образом! Мы до сих пор бьемся и не можем пробить

этот обязательный экземпляр. Увы! Университет всегда все, что мог, тратил на книги, а сегодня тратить нечего, вот в чем дело.

Хрущев, кроме всего прочего, подрубил сук, на котором сидел. Обвинять его трудно, все-таки его правление связано со многими демократическими установлениями. Когда говорят о том, что тоталитарное государство у нас сохранялось, чуть ли не до 90-х годов, я думаю, что это не так. Я полагаю, что как раз эпоха Хрущева - это переход от тоталитарного государства к авторитарному. Во всяком случае, в этот период одной из важнейших черт тоталитарного государства - необоснованных массовых репрессий - не было. Репрессии есть в любом государстве. Государственные институты себя защищают всегда, будь это во Франции, Германии или США. Да, были "психушки" и прочее против инакомыслящих. Но все, кто начинает бороться с государством, должны быть готовы к тому, что государство даст отпор. Любое государство, подчеркиваю, даже самое демократическое (хотя по-настоящему демократических государств, к сожалению, в истории не было, так как везде существовал несправедливый строй).

Никита Сергеевич начал вести борьбу с коррупцией. Он в этом деле в послевоенный период был пионером. Некоторые элементы этой деятельности приписывают Берии, но в этом можно сомневаться. Вот Хрущев, да! Он начал давать строгие выговоры секретарям обкомов партии за приписки, даже исключал из партии. А Ларионов, которому только что дали Звезду Героя Социалистического Труда и подняли на щит за выполнение всяких планов, вынужден был пустить себе пулю в лоб, когда обнаружилось, что все это чистейшие приписки. Хрущев очень энергично вел эту работу, в том числе пострадал, кстати, бывший первый секретарь Томского обкома КПСС В.А. Москвин. В то время он был уже 2-м секретарем обкома партии в Кургане. Я, правда, не знаю всех деталей его перевода из Томска, очевидно, тоже что-то было связано с этим. Может быть, это было связано с недостаточной активностью в борьбе с культом личности Сталина. Москвин ведь был человек очень жесткий, и они тут с Лукьяненко были "два сапога - пара". Во всяком случае, он на приписках пострадал тоже. Это я знаю точно.

Уже тогда мы, историки партии, понимали, что скоро скажут свое слово секретари обкомов (а они все были членами ЦК партии), которые обладали очень большой властью на местах, и с ними поэтому вынуждены были считаться члены Политбюро. Был же такой случай в 1957 г., когда с ними не хотели считаться: Молотов в грубой форме предложил членам ЦК разойтись. Он был за это наказан, - антипартийная группа и все прочее. Они наказали его за то, что не согласился с их мнением. Так что это была сила. И так оно и получилось. Созрел очередной заговор (первый был в 1957 г.), который был поддержан всеми членами ЦК. Ну, а, кроме того, этим своим "яканием", своей детской непосредственностью, своей инфантильностью Хрущёв прямо-таки надоел уже стране. С этим его хвастовством, "шапкозакидательством". Тут Аджубей ему подложил большую свинью своей книжкой "Наш дорогой Никита Сергеевич", потому что люди-то посмеивались, и Хрущев совсем не выглядел в их глазах как "Дорогой Никита Сергеевич", как крупный государственный деятель. Он выглядел человеком, который часто не может связать двух слов, и порой довольно-таки неграмотным (хотя на фоне последующих и некоторых современных первых руководителей этого уже не скажешь про Хрущева).

И все. После этого начался действительно откат, сильный нажим на всю партию, на весь партийный актив, на интеллигенцию в одном направлении: поднять авторитет вождя. Я помню, как на этой почве даже разошелся с Николаем Петровичем Кирилловым. Где-то в 70-х годах мы были вместе в Колпашево, жили в одном гостиничном номере. Ну, и я ему, в порыве откровенности, говорю: "Николай Петрович! У меня уже терпения не хватает смотреть на всю эту вакханалию с возвеличиванием Брежнева". В свое время, когда узнал, что Брежнев стал Генеральным секретарем, я чуть не упал, я уже тогда считал его никчемной фигурой. Он был до этого председателем Президиума Верховного Совета и уже видно было, что это, в сущности, недалекий человек. Хотя по своим личным качествам вроде бы и неплохим он был человеком, но для лидера страны - очень слабая фигура. Как возмущился моими словами Николай Петрович! То ли по обязанности (он тогда был зав. отделом пропаганды и агитации обкома), то ли еще почему. "А кто будет держать авторитет? Я от тебя не ожидал!" и т.д. И все. С тех пор наши отношения стали не столь доверительными. Хотя я должен сказать такую вещь: конечно, в этой системе уже не было того, что было сразу после Сталина, когда я пострадал (да и не я один). Мне даже повезло. Почему? Потому что я, как тот уж из "Песни о соколе", познал паденье, но не разбился, "...а только крепче в себя я верю". Я понял, что оказывается, у меня есть не только язык, не только моя интеллигентская специальность, я понял, что могу работать на любом месте и добиваться хороших результатов и на заводе, и в школе, и где бы то ни было. Я понял, что я самодостаточен. Из меня ушла интеллигентская трусость, которая была. Она была у многих. Я же помню, как некоторые наши "грешники" каялись, бия себя в грудь: "Моя вина!"

В 1978 году я ушел в докторантуру. Как-то меня пригласили в партком и попросили прочитать лекцию для кандидатов в партию на тему "Ленинские нормы и принципы партийной жизни". Я согласился. В конференц-зале собралось очень много народа. Среди собравшихся были секретари партбюро факультетов, я их всех знал, так как работал перед этим в парткоме заместителем секретаря. Прочитал лекцию, а я эту лекцию всегда с удовольствием читал, и кто-то задает вопрос. Для того времени, конца 70-х годов, это был типичный вопрос: "Как Вы относитесь к закрытым магазинам в обкоме, специальным магазинам для аппарата?" Я ответил, что этими магазинами не пользуюсь, кроме того, что иногда обедаю в обкомовской столовой, когда работаю в архиве; отношусь к этому однозначно - это попрание ленинских норм партийной жизни. Боже, что началось! Как посыпались вопросы такого же плана! Я отвечал на них так, как думаю. Спрашивают про персональные машины. Я говорю, что персональные машины просто необходимы для работников крупного партийного аппарата, таких как обком, горком, райком, потому что надо успевать везде, не теряя времени. Другое дело, если жена партийного работника пользуется машиной для поездок на рынок, - это тоже попрание ленинских норм. И дальше в таком же духе. Была еще масса вопросов. Что началось на следующий день! С утра звонят из парткома: "Срочно идите сюда. Секретарь парткома Якубеня хочет Вас видеть". Пришел. "Ты что там наговорил вчера? Тут на меня шквал звонков обрушился. Блинов звонит, требует передать тебе недовольство Слезко (секретарь обкома), который требует немедленно исправлять положение". Я говорю ему: "А ты что не согласен со мной?" "Я-то, - говорит, - согласен. Но нельзя же так делать!" "Как же нельзя, а что я должен был отвечать людям?" "Вот Слезко говорит, что при социализме не может быть

равной оплаты. Она должна быть по труду". Я говорю: "Ну да, конечно, мы меньше здесь трудимся, чем какой-то инструктор отдела обкома. Так что ли это понимать?» Звонит А. Блинов, зав отделом науки и вузов обкома (он учился на курс младше меня, вместе с Черкасовым и Киселевым, и мы были очень хорошо знакомы). Я ему говорю: "Знаешь что, передай Слезко, что я говорил то, что думаю, говорил правду и не говорил о том, чего не знаю. Это, во-первых. Во-вторых, пусть он не пользуется информацией, которую получает в постели (на лекции присутствовала жена Слезко - Нина Ивановна, она была секретарем партбюро химического факультета). А в-третьих, передай, что если он хочет опровергнуть все сказанное мной, пусть соберет всех, кто там присутствовал, и им объясняет, что он сам получает по труду, а остальные получают, не знаю как. Я лично в этой комедии участвовать не буду". На этом все кончилось. Хотя мне потом рассказывали, что Петр Яковлевич, выступая на аппаратных совещаниях, еще некоторое время "полоскал" мое имя в соответствующем виде, но сам он, встречаясь со мной, раскланивался, мило улыбался и ничего не говорил по этому поводу. Никуда меня не вызывали, так как понимали, что это бесполезное дело.

Ситуация в стране изменилась, и говорить о тоталитарном государстве в это время, с моей точки зрения, нельзя. Я попытался привести здесь только часть доказательств. Многие преподаватели почувствовали себя более раскованными, более свободными. Достаточно вспомнить речи Марии Ермолаевны Плотниковой. Именно в это время никто особенно не стеснялся высказываться скептически о членах Политбюро, о самом Брежневе. Общественная атмосфера сильно изменилась. Другое дело, что возобладал догматизм в самом партийном руководстве, но он был неизбежен при той геронтократической ситуации, которая сложилась, когда в руководстве были очень старые люди, воспитанные в сталинском духе. Им было очень трудно перестраиваться, да это и было невозможно, и настоящего обновления в руководстве, конечно, не было. Тех, из более толковых, кто хоть чуть-чуть высовывался, как, например, Шепилов, очень быстро отсекали. Это одно из несчастий нашей страны. В высших эшелонах власти оказываются совершенно недостойные люди.

Мне пришлось поработать в партаппарате. Я имею в виду партком университета. Здесь я сталкивался со многими его представителями. Не раз довелось побывать на заседаниях бюро обкома, посмотреть на Е.К. Лигачева во всей его красе. Я вовсе не являюсь таким восторженным сторонником этого человека, как многие. Я отдаю ему должное и не стесняюсь об этом говорить. Да, у нас был секретарь обкома, который заботился о деле, об области очень сильно. Ведь действительно, в 8 часов утра он уже где-то на свинокмплексе, на ферме, еще где-то, в то время как другие секретари обкома "забулдыживают" и палец о палец не стукнут. Лигачев работал, как черт. Это, безусловно. Приезжает в университет и начинает смотреть организационно-партийную работу: готовится вопрос на бюро обкома и сам первый секретарь приезжает и занимается этим делом часа четыре, а то и больше. Вникает во все вопросы. Ничего не скажешь. Причем он знает дело, сразу видит и плюсы и минусы. Но при этом в аппарате он создал, во-первых, атмосферу подбострастия. Во-вторых, - страха. Что бы там ни говорили, это было. Я это наблюдал на заседаниях бюро обкома. Вот один или два примера. На бюро обкома обсуждается вопрос о работе столовых в высших учебных заведениях города. Прекрасно.

Обком ставит важный социальный вопрос. Докладывает Николай Петрович Кириллов. Докладывает, естественно, так, чтобы это понравилось Ю.К. Лигачеву. Он говорит о том, как плохо в этих столовых, как грязно, как отвратительно. Старается все это пожестче подать. Вот он разнес вдребезги столовую ТИСИ, хотя отмечает, что в последнее время там уже стало лучше, но было очень плохо. Вот в пединституте скверно обстоит дело, а в университете - и говорить нечего. Университетская столовая какая-то маленькая, вечно там огромное количество людей, не очень чисто. И дальше в таком же духе. "Конечно, - говорит Кириллов, - надо сказать, что и трест столовых, которому подчиняются эти столовые, работает не ахти как". Лигачев его на этом прерывает: "Ну, ладно, хватит о тресте столовых. Мы разбираем вузы. Что у Вас еще есть?" "Все". Дальше следует такая сцена - Лигачев говорит: "Вопросы есть? Нет. Кто будет выступать? Нет выступающих? Хорошо. Вот тут проект постановления есть. Я думаю, что прежде, чем его принимать, надо послушать руководителей вузов. Ну-ка, вот, Рогов, идите сюда за трибуну". Выходит Рогов, заслуженный деятель науки, профессор, доктор, и говорит: "Конечно, у нас много недостатков. Николай Петрович, на мой взгляд, немного сгустил краски. Тем более, что у нас положение сейчас намного лучше. Мы многое успели исправить". Его тут же прерывает Лигачев: "Ну, хватит, хватит оправдываться! Что Вы там лепечете, как председатель какой-то сапожной артели (то есть старается больше уязвить). Безобразия у вас там творятся, ведь это совершенно очевидно. Ну ладно, идите на место. Ну-ка, Лимонов, иди сюда. Мы тебя зачем отправили в пединститут? Чтобы ты там образцово все поставил, а ты там все разваливаешь. Отвратительно работаешь!" Тот начинает что-то мямлить, оправдываться. Лигачев его просто сгоняет с трибуны. Обращается к очень уважаемому человеку, заслуженному деятелю науки, профессору, доктору, кавалеру ордена Ленина А.П. Бычкову: "Ну, ректор ТГУ, идите-ка сюда, расскажите, как вы там принялись к грязи в вашем университете". Бычкова так просто не возьмешь. Он выходит и говорит: "А мы тут не причем, здесь виноваты те, кто вам непосредственно подчиняется. Виноваты строители. Вот Муравьев. Он нам еще полгода назад обещал пустить столовую на 1000 мест, но ничего не сделал». Лигачев, обращаясь к строителю: "Ну, ты у меня дождешься! Дождешься!" Тот встает. "Ладно, садись. Закончим на этом. Вопрос ясен. Давайте посмотрим постановление". Сижу, все жду, когда он, наконец, спросит, у кого какие вопросы есть, кто хочет выступить, какое мнение у членов бюро, какие соображения. Ничего такого. Когда Лигачев берет в руки постановление, смотрю, - все за столом президиума как будто стали ниже. Я даже не понял сразу, почему. Тогда-то Лигачев говорит, что вот это надо усилить, здесь записать покрепче; ну а, поскольку, как бы там ни было, столовыми занимается советская власть, поэтому записать и председателю облисполкома Высоцкому; за вузы у нас отвечает Слезко, - и ему записать. Короче, всем "по перышку вставил". Все. Возражений нет. Постановление принимается. Можете быть свободными.

Стремление унижить человеческое достоинство - вот что мне не нравилось в Лигачеве. А ведь это было типично. Кроме того, это диктаторски-барское поведение первого секретаря. Я понимаю, вопросов для обсуждения много, времени мало. Но такая форма ведения заседаний бюро предопределяла вторичность тех членов бюро обкома, которые работали рядом с ним. Неудивительно, что, когда Лигачев ушел, то, по совести сказать, на его место не нашлось никого близко равного ему. И не только это. Нам довелось с

Лигачевым встретиться еще в одной нестандартной ситуации. В университете было очень тяжело с общежитиями. Крайне тяжело. Поэтому мы вынуждены были в целом ряде комнат в общежитии на Ленина, 49 поставить двухъярусные кровати. Специально реконструировали спинки кроватей, чтобы на них можно было положить сетки. Сделали, куда деваться. Или заставляли кроватями всю комнату, или оставляли пространство для стола. Мы строили в это время общежития. Одну "девятиэтажку" уже заселили, заканчивали строительство еще одной. Но в это время принимается решение ЦК относительно того, что строительство общежитий ведется по устаревшим проектам, что некоторые дошли до того, что ставят двухъярусные кровати, как в казарме, и прочее. И немедленно следует приказ Лигачева непосредственно проректору по хозяйственной части Лерману - ликвидировать все двухъярусные кровати в общежитиях. Как на грех, ректора не было, секретаря парткома тоже не было. Остались мы с М.П. Кортусовым. Я - за секретаря парткома. Иду в университет и вижу, студенты таскают спинки кроватей. Прихожу в партком, выясняю, в чем дело. Говорят, что поступил соответствующий приказ Лигачева. Звоню Кортусову, объясняю ему, что и как, спрашиваю, что будем делать, куда студентов денем. Обсуждаем ситуацию с Кортусовым, договариваемся, чтобы Лигачев нас принял. Когда пришли в обком, попали к нему не сразу, через час, наверное. Встречает, выходит из-за стола (такой ритуал заведен, хотя мог бы и сидеть за своим столом, и ничего страшного не произошло бы), садит за длинный стол, здоровается. Мы ему говорим, что через месяц, в крайнем случае, через два, пускаем новое общежитие и, конечно, эти двухъярусные кровати уберем. Ну, а зачем сейчас-то это делать? А я еще зачем-то сказал, что вообще-то это даже удобно, в одном военном училище я смотрел, как там раскладные кровати встроены в стены: поспал, убрал. "Правильно, правильно, превращайте наши общежития в казармы". "Ну, зачем же так-то?" На столе у Лигачева лежит стопка бумаг. Достает бумажку и зачитывает выдержку: "... кое-где уже начали двухъярусные кровати ставить в общежитиях..." "Видите, - говорит, - подписано М.А. Сусловым, секретарем ЦК. Выполняйте!" Говорим, что готовы выполнить, но через два месяца. А сейчас-то куда девать студентов? "Как куда? Поселите их в аудиториях". "А что с занятиями?" "Отмените занятия" "Какая нужда в таких экстраординарных мерах, если мы через два месяца введем в строй новое общежитие?" "Я вам показал постановление, подписанное Сусловым, а я - секретарь обкома, я обязан это постановление выполнять. Мы приняли решение, и вы должны его выполнить. Все. Разговор на эту тему окончен. Что у вас еще?" Ставим еще один вопрос. Обком почему-то принял решение запретить нам строительство еще одного 9-ти этажного общежития, хотя у нас все готово. Есть проект, привязали его к месту, все предусмотрели, улучшили системы канализации и социального блока, предусмотрели столовую, т.е. учли все недостатки прежних проектов, по которым строились "девятиэтажки" ТИАСУРа. "Хотим, чтобы Вы отменили это решение. Нам осталось только начать и быстро построить". Достает опять бумажку. Опять постановление ЦК: "... строят по устаревшим проектам, это недопустимо..." и т.д. Подписано М.А. Сусловым. "Вот на основании этого постановления ЦК мы и приняли решение". "Вы понимаете, сколько сил затрачено на согласование проекта? На все-все!" (Сейчас бы сколько денег на это было потрачено, но тогда об этом речи не шло.) Лигачев опять: "Я вам только что зачитал постановление ЦК, на основе которого мы и приняли решение. Выполняйте! Тут я вам навстречу не пойду". Еще какой-то вопрос решали. Тоже достал бумажку, решение вышестоящего партийного органа: "Выполняйте!" Элемент догматизма

совершенно отчетливый. На меня это, да и на М.П. Кортусова, ныне покойного, это произвело просто угнетающее впечатление. И пошли мы "солнцем палимы".

А вечером кто-то на асфальтовой площадке возле кинотеатра "Октябрь" написал: "Студенты! Давайте бастовать! Нас выкидывают из общежития университета!" Ночью, в час ночи, звонит мне Кортусов, сообщает, что ему только что звонил Слезко и говорит: "Там ваши студенты бастовать собираются, что ли?" "Не знаю, говорю, - не слышал ничего". "А я слышал". И Слезко рассказывает Кортусову такую историю. Юрий Кузьмич узнав о том, что студенты собираются бастовать, сказал: "Ладно, общежитие они скоро пускают, а с двухъярусными кроватями у них там немного человек живет (ничего себе - "немного" - 220 студентов!) пусть уж дождутся пуска общежития". Вот так. Ведь можно было сразу сделать все по-человечески. К сожалению, по-человечески делалось не всегда. Такие штрихи свидетельствуют и о системе, в которой люди работали, но и в какой-то степени о личности самого Лигачева. С другой стороны, когда началась вся эта вакханалия с обличениями, когда начали обвинять Лигачева во взяточничестве, я, конечно, ни на секунду в это не поверил. Он слишком долго здесь работал и если бы факты коррупции имели место, об этом было бы известно. Шило в мешке не утаишь. Другое дело, что все-таки известная связь с коррупцией у Лигачева была. Это факт. Для такого заявления есть достаточно сильные аргументы. Мне, во всяком случае, многие крупные работники рассказывали об этом. Тот же Ф. Перегудов, помню, говорил мне, что, когда Лигачев вызывал человека к себе, он пенял ему: "Что ты тут сидишь, жалуешься, что у тебя того нет, сего нет? Ты поезжай в Москву, иди на этот завод, возьми, в конце концов, шкурки, рыбу и выколачивай, выколачивай!" Понимаете? Он отлично знал о коррупции и даже поощрял своих работников на это дело. Борьбу с коррупцией не вел, - значит, принципы расходились с делом. Ну, а что касается Г.М. Калабы - известного всему Томску мздоимца, про которого уже точно не скажешь, что он ни в чем не запачкан, так как все о его делах знали еще до того, как он на чем-то попался (до судебных органов дошло!), то Лигачев, вернувшись из командировки, дело прикрыл, а "щуку" бросил в реку. Г.М. Калабу направили, по-моему, руководить банком в г. Стрежевой. Это как оценивать?

Как я встретил перестройку? С одной стороны, я отлично понимал, что система пришла к кризису. Так оно и было. Я все-таки читал лекции по истории партии. Мы решили перестроить курс и читать его проблемно. Сначала рассказ о внешней политике, затем - экономическая политика на протяжении длительного периода, потом - социальная политика и развитие самой партии. Читать от съезда к съезду было неправильно, это было слишком примитивно, неинтересно и никуда не годилось. Прочитал проблемный курс, и вот в таком подходе все сразу вылезло наружу. Когда мы читали экономическую политику, стало видно, как "горит" наша несчастная экономика. Не случайно цифры, которые приводились на съездах партии, были совершенно несопоставимые. В одном случае за пятилетку, в другом - за 15 лет, чтобы как-нибудь прикрыть очевидные вещи, потому что уже пошло серьезное отставание от планов. Началась ежегодная корректировка пятилетних планов, так как они не выполнялись. Они и не могли быть выполнены с этим чрезмерным раздуванием военно-промышленного комплекса, совершенно непосильным для нашей страны, с этим бездумным участием в гонке вооружений, холодной войне. Омертвлялись колоссальные финансовые средства,

особенно в капитальном строительстве. Всякое предприятие, развиваясь, начинает строить новые цеха, корпуса и пр., а что касалось ВПК, то для него это вообще характерно. Закладывалось все новое и новое строительство, а доводить его до конца в срок не удавалось. В том же Томске не хватало строительной индустрии. Одно время Лигачев лично сам распределял подъемные краны. Пятилетние планы предусматривали ввод новых предприятий, объектов, а они не входили в строй, значит, рассчитывать на комплектующие тоже не приходилось, и вся цепочка Госплана трещала по швам. Начинали корректировать планы. На страну неумолимо надвигался кризис, но это пытались скрыть, вместо того, чтобы по-настоящему на него взглянуть и начать исправлять ситуацию. И, конечно же, надо было все исправлять по уму, постепенно, открыто и откровенно. Ведь люди больше всего ненавидели в коммунистической власти последнего времени именно расхождение между словом и делом. Провозглашались высокие принципы, шла трескотня о них, а в практической деятельности этими принципами не руководствовались. Конечно, коммунисты воровали совсем не столько, сколько воруют сегодня. Это несравнимо. Ну да, пользовались они какими-то льготами, и номенклатура была беззастенчива. Правда, наш обком в этом отношении был более сдержанным, и очень поражал меня Новосибирский обком. Когда я приезжал поработать в Новосибирский облпартавторхив, на меня наводила просто ужас абсолютная беззастенчивость местных партократов. Дело-то как раз в том, что люди, слыша из их уст высокие слова о принципах, знали о фактах и случаях, когда стараются урвать себе лишний кусок, стараются получше пожить, побарствовать. закрыться подальше от людей. Это вызывало огромное неудовольствие и зависть в обществе. Социальная зависть присутствует всегда, но она особенно сильна, когда пытаются прикрыть истинное положение вещей, когда люди обнаруживают ложь. Сегодня все гораздо хуже, сегодня налицо ярко выраженное социальное неравенство, сегодня налицо откровенное пренебрежение нуждами людей. Жутко смотреть, как люди копаются в мусорных ящиках. Я уже как-то забыл, что такое нищие. Я помню, во время войны, особенно после войны были нищие, хотя, конечно, и не в таком количестве, как сейчас. Но сейчас же на это невозможно смотреть. Вроде бы и много было сделано. По уровню потребления СССР, кстати сказать, в том числе за счет нефтедолларов (может быть, они и сейчас нас спасут) вышел, чуть ли не на 15-ое место в мире и отстал в этом от ведущих стран мира на 15 лет. И куда мы опять откатились? Можно было многое исправить. Эти нефтедоллары можно было использовать, конвертируя нашу валюту, сделав её сопряженной с мировой валютой. Ситуация бы резко изменилась и рыночные отношения стали нормальными. По никто не хотел ничего делать, да и не умел. Хотели догматически следовать принципам. Вот классический для этого пример. Одним из сегодняшних аргументов является следующее: вы вспомните пустые полки, ведь ничего не было, в очередях часами стояли за продуктами. Все правильно. А почему не было? Вспоминаю одну реформу, очевидцем которой был. Денежную реформу 1947 года. Сталинскую реформу иногда называют грабительской, а между тем, с моей точки зрения, она была образцовой для страны с такой централизованной экономикой, какой был СССР. Что там произошло? Ведь тогда действительно в стране ничего не было. По-настоящему не было. Деньги были у спекулянтов, которые воспользовались войной. И вот обменяли деньги 1:10. Тем, у кого лежали деньги в сберкассе, первые 3 тысячи оставили в неприкосновенности, а остальные обменяли также на льготных условиях. То есть немедленно повысили доверие к

Сбербанку - то, чего не хватает сегодня (сейчас говорят, что если бы было доверие к банкам, и люди понесли в них свои деньги, то очень многие проблемы были бы решены). Дальше, что было сделано? Цены оставили прежние, зарплаты оставили прежние. Просто исчезло огромное количество денег, их стало меньше, и магазины начали наполняться товарами. Не сразу, но быстро.

В 1949 году я жил в общежитии. Мы не знали, что такое сливочное масло, - был гидрожир - это по внешнему виду солидол, а вообще - растительное масло. Не знаю, из чего он делался, но жарить на нем было можно. И вдруг появился маргарин! Боже, белый, вкусный маргарин! Его мазали на хлеб. Потом появилось масло, потом - мясо, потом икра, осетры, крабы. Все-все! Магазины заполнились. Понадобилось 2 -2,5 года, чтобы это произошло. Почему? Потому что спрос понизился. Производство-то осталось, в основном, прежним. А потом стали снижать цены на разные товары, чтобы увеличить покупательский спрос: на 24%, на 27%, на 15%. Делалось это систематически, то два раза в год, то раз в год. У народа появляется доверие к власти. Люди видят, что власть идет им навстречу, снижает цены, становится легче жить. Это наглядно, и делается это демонстративно. Спрашивают, откуда такое доверие к сталинской власти, нежелание её развенчивать. Да вот откуда оно берется, это доверие. В конце 1970-х годов можно было заполнить магазины и товарами, и продуктами, да так, что не протолкнешься. Люди привыкли все покупать в магазинах по низким ценам, не очень-то охотно шли на рынок, где выбор был гораздо больше. Правительство догматически полагало, что можно делать все, что угодно, но только не поднимать цены на товары и продукты повышенного спроса. У наших руководителей и мысли такой не было, чтобы поднять цены на хлеб, молоко, сахар, они боялись такой мысли. А ведь стоило только в 2 раза поднять цены на эти продукты! Потом, когда цены поднялись в 10 и в 20 раз, в 1000 раз, - все стало заполнено, все стало, как на Западе. У нас раньше писали и рассказывали, что там все есть, только люди мало покупают. А у нас все озабочены были добыванием того, что где-то, по случаю, "выкинут". При этом определенными товарами полки магазинов были полны, и уровень жизни людей того времени, в общем-то, не был таким уж низким, хотя и высоким он отнюдь не был.

Самое главное - была уверенность в завтрашнем дне. Человек знал, что если завтра он уйдет на пенсию, то её хватит на то, чтобы прожить. Огромных состояний никто не наживал (разве что подпольно), зато жили по средствам. От пуза есть не всегда удавалось, одни жили хуже, другие лучше, но все находились примерно в равных условиях, и коэффициент разрыва между богатыми и бедными был очень низкий. Сегодня этого нет. Сегодня у нас этот разрыв, наверное, самый большой в мире. Вот что получилось. Этот догматизм власти, это непонимание и нежелание смотреть в корень, нежелание видеть те процессы, которые происходили, привели страну к краху. Поэтому, когда современные реформаторы говорят, что виновата во всем прежняя номенклатура, они правы. Хотя, с другой стороны, эта жажда власти, жажда все ликвидировать, сделать скорей, скорей, скорей и все, - как у них на Западе, тоже ни к чему хорошему не приводит.

Моя жизнь далее складывалась благополучно. Я защитил докторскую диссертацию. Защитил нормально, потому что у меня уже было имя в научных кругах, среди специалистов по моей проблематике, в том же Институте истории АН СССР, Институте

истории в Новосибирске и др. Ведь тогда возможность налаживать контакты, связи, обмениваться информацией, научными достижениями была, конечно, очень большая. Проводилось много конференций, симпозиумов. Мы встречались, мы знали друг друга. Сейчас говорят, что вот наконец-то мы узнали все о репрессиях, а мы это не просто знали, мы об этом говорили. Говорили откровенно. Очень многое, конечно, не попадало в наши труды. Была все-таки цензура, чего там отрицать. О той же классовой борьбе, о репрессиях в отношении крестьянства я, да и другие историки, например, Н.Я.Гущин, постоянно говорили конференциях и симпозиумах. Хотя не в такой форме, как позднее это выглядело в публицистике. Плохие работы мы старались не пропускать. Примером является, скажем, наша острейшая критика работы Ф.С. Пестрикова. Его книга очень неадекватно отражала сущность процессов, которые проходили в Сибири в период коллективизации. Мы втроем, я, Н.Я. Гущин (увы, покойный ныне) и В.А. Демидов написали большую отрицательную рецензию, которую я поместил в Ученых записках ТГУ. Позднее, когда я защищал докторскую диссертацию (в Новосибирске, там был при Высшей партийной школе докторский совет по истории партии, у нас такого совета не было), я попросил, чтобы в качестве официального оппонента мне утвердили как раз Федора Сергеевича Пестрикова. Я знал, что Ф.С. на меня обижается, он сам мне говорил: "Ты зачем такую плохую рецензию написал на мою работу?" Я ему ответил тогда, что не надо писать плохие работы, не будет плохих рецензий. На защите он постарался извлечь все, что можно, из своего критического арсенала, но в целом дал положительную рецензию. Я резковато писал о его работе, но суть была правильной. Мне кажется, и Пестриков потом понял это. Я просто хочу подчеркнуть, что этой интеллигентской трусости у меня уже не было.

Защитил докторскую диссертацию, вскоре стал профессором, а затем и заведующим кафедрой истории партии. У нас была открыта специальность по истории партии, которую я активно "пробивал" в Министерстве. Специальность хорошая, студенты были достаточно сильными (кроме первых наборов), и наши группы постоянно выходили на одно из первых мест на факультете. А ведь тоже пришлось бороться с догматическими представлениями. Сколько я записок написал в тот же ЦК и в Министерство, сколько выступал там по этим вопросам! Вот определили, что на эту специальность, на историю КПСС, нужно делать особый, качественный набор. А как определялся эталон качества? Это должны быть, говорят, члены партии или кандидаты партии и это должны быть люди, прошедшие школу жизни, т.е. производство. Я доказывал, что это же глупость величайшая. Ну, что такое производственники, которые поступали тогда в университет? За редким исключением, - это те, кто учился в школе на "тройки", и даже не пытался поступать ни в какой вуз, пошел сразу на завод, на производство, а там как раз рабочим классом пополняли ряды КПСС, открывали им зеленую улицу: "Ты молодой, вот молодых рабочих и надо принимать в партию. Давай, вступай!" Вступил в партию, дальше ему советуют, как производственнику, поступать в вуз, а раз - коммунист, - непременно на историю партии. И его берут в вуз, хотя есть более сильные ребята сразу после школы. Я объяснял, что так делать не следует, что мы тем самым обрекаем нашу специальность на выпуск слабых кадров. Не надо принимать "троечников"! Пусть после школы, пусть молодой, но у него будет еще возможность проявить себя. Очень долго ничего доказать не удавалось, - там господствовал догматизм. И вот, когда нам впервые разрешили

принять на специальность без всяких особых условий, мы набрали талантливых ребят, которые превосходно учились, и на выпуске было 8 дипломов с отличием.

В 1990/91 уч. году кафедру разделили на две: кафедру для гуманитарных факультетов и кафедру для естественных факультетов. Потом через некоторое время мы перешли на исторический факультет. Здесь нам пришлось перестраиваться, мы стали кафедрой политической истории. Произошла любопытная вещь. Когда началась эта демократическая волна, то историки партии оказались в чрезвычайно двусмысленном положении. Все-таки на этих кафедрах работали, большей частью, честные люди. Мы начали по-настоящему копаться в истории, стараясь объективно показать деятельность партии. Оказалось, это не нужно никому. Это было не нужно реформаторам, потому что они хотели ликвидировать историю партии, как предмет. Это не нужно было и тем, кто находился во власти в конце 1980-х годов, они тоже не хотели слышать правды. Сошлись крайности, и этот курс ликвидировали. Считаю это не совсем правильным, так как речь идет об истории той партии, которая определяла развитие общества в течение 70-ти лет.

Поскольку преподаватели кафедры стали читать курс по истории России в контексте всемирной истории, мы стали называться кафедрой истории России, а затем ввели новую специальность - документоведение. В связи с этим кафедру переименовали в кафедру истории и документоведения. Когда стали образовываться общественные академии, мне довелось стать одним из основателей Академии гуманитарных наук, а потом был избран и в Международную Академию наук высшей школы.

Как-то так получалось, что я находился в оппозиции к власти. Советской власти я не очень угодил, но и с новой властью не очень-то в ладу. Когда шла волна по выдвижению Б.Н. Ельцина в Верховный Совет, потом в Президенты, я высказывал очень серьезные сомнения по этому поводу. Раньше, в конце 1980-х годов, уже со сформировавшейся точкой зрения я выступал на городской партийной конференции, высказав предложение по поводу отмены 6-й статьи Конституции и поста Генерального секретаря. Я считал, что в нашей стране нужно идти по пути развития парламентской республики, парламентской демократии в чистом виде, так как при наших деспотических традициях неизбежно выдвижение первого лица и его вырождение во что-нибудь вроде царя, деспота, генсека, кого угодно. Это была моя принципиальная позиция, я её аргументировал. Конечно, тогда меня не поняли, мою точку зрения не приняли. Про Ельцина я говорил, что он в сущности - человек однопорядковый. Он был кандидатом в члены Политбюро. До Политбюро мог добраться только человек с определенными параметрами. Отбор в партии был очень жесткий и очень точный. И Ельцин в этом плане стоит рядом с Е.К. Лигачевым, М.С. Горбачевым, со всеми другими. Мне это было ясно с самого начала. Правда, когда университетское собрание проголосовало в поддержку Ельцина (выбирали на съезд народных депутатов), а я был зам. секретаря парткома по идеологии, я выступил с предложением отправить приветственную телеграмму Ельцину и сообщить, что вот, мы, Томский университет первыми его выдвинули. Отправили. Ельцин нам не ответил. И потом, когда его избрали депутатом, на университетском собрании (полный актов зал народа) Г. Шапиро предложил послать приветствие. Я выступил и сказал, что категорически против этого и считаю, что мы не должны этого делать, мы уже посылали одно приветствие, когда первыми его выдвинули, но нам даже на него не ответили,

пренебрегли нами, и нет никаких оснований посылать какое-то приветствие еще раз. Зал тогда с этим не согласился. Я был сторонником серьезной реформы в партии, понимал, что жить по-старому нельзя. Ныне я ни в какой партии не состою. Не принадлежу к оголтелым сторонникам ни демократов, ни коммунистов. Нужно жить по правде, по-человечески.

Немного о семье. Женился я в 23-х летнем возрасте, в 1954 г. Моей женой стала бывшая студентка нашего университета Нелли Владимировна Коледенко. Мы познакомились и полюбили друг друга, когда Нелли училась на первом курсе, а я на пятом. Потом я уехал на учебу в Свердловск, а она перевелась в Московский университет и заканчивала истфак в МГУ. Это была очень живая, энергичная и очень красивая девушка. Она отличалась огромной любознательностью и прекрасными способностями. Например, в 9-ом классе стала победительницей конкурса на лучшее знание стихов А.С. Пушкина, представив 250 поэм и стихотворений (при этом не допускалась ни одна, даже малейшая ошибка – конкурс для данного претендента сразу прекращался). Она оказалась очень заботливой женой и матерью. В том же 1954 году у нас родилась дочь, в 1957 году - вторая, в 1965 году родился сын. Так что у меня большая семья. Естественно, главное внимание жены было посвящено детям, хотя, конечно, не без помощи моей тещи – Туленковой Людмилы Павловны. И все же Нелли успешно закончила аспирантуру ТГУ, под руководством Татьяны Николаевны Петровой написала кандидатскую диссертацию о городских советах в годы Великой Отечественной войны на основе уникального фактического материала, собранного в огромном количестве в различных архивах. Она успешно защитила диссертацию в Институте истории Сибирского отделения АН СССР и стала достаточно известным историком по проблематике истории Великой Отечественной войны. У неё опубликовано около 20 работ. Работала в нашей Проблемной лаборатории археологии и истории. В 1989 году случилось несчастье. 8 февраля ей должно было исполниться 55 лет. Уже готовился банкет. 7 февраля она впрыгнула в трамвай, - произошло кровоизлияние в мозг, и она мгновенно умерла! Абсолютно неожиданно. Оказалось, что была какая-то опухоль. Она была очень красивой женщиной. Позднее, когда "Независимая газета" объявила фотоконкурс на самое красивое лицо России, мы взяли и послали её фото. Редакция получила тысячи фотографий от Натальи Гончаровой до Э. Быстрицкой (победившей в конкурсе), и наша Нелли прошла через многие ступени этого конкурса и добралась до финала. Попала в число 50-ти финалистов.

Старшая дочь училась в школе № 34, потом поступила в музыкальное училище (после музыкальной школы, где училась игре на скрипке) на теоретическое отделение, окончила Новосибирскую консерваторию. Некоторое время работала в Томской филармонии, одновременно выступала очень активно в печати, сотрудничала с "Красным знаменем". Затем поступила в МГУ на факультет журналистики и получила второе высшее образование. Стала работать в журнале "Музыкальная жизнь", окончила аспирантуру при Московском институте искусств, защитила диссертацию. Так что она кандидат искусствоведения, хотя душа её лежит больше к журналистике. Опубликовала несколько серьезных работ, в том числе книжку "Томские династии", довольно популярную здесь. К Томску и томичам она вообще неравнодушна. Сейчас она является парламентским корреспондентом в журнале "Федеральное собрание Российской Федерации". Недавно

опять выпустила довольно солидную книгу "Политик с человеческим лицом", в которую вошли интервью, которые она брала у известных политиков. Татьяна - человек очень энергичный, она старается смотреть на жизнь объективно.

Вторая дочь, Елена, окончила 8-ю школу, затем биолого-почвенный факультет университета, специализировалась по генетике. Потом пошла в аспирантуру. Её научным руководителем стал членкор РАН Л.И. Корочкин, который сначала жил в Новосибирске, а затем перевелся в Москву в Институт биологии РАН. Она у него там работала, там же вышла замуж, тоже за генетика этого же института. После того, как все у нас в стране развалилось и оказалось, что ученым в системе Академии наук делать нечего, они с мужем уехали в США и вот уже 8 лет работают там в Цинциннати, в университете. Работают, естественно, по контракту, оставаясь гражданами России. Там у меня внучата Миши и Маша.

Сын Александр окончил школу № 50, потом ТПИ (машиностроительный факультет). Он специализировался на порошковой металлургии и первое время после института работал главным конструктором "Томлеспрома". Потом увлекся общественной работой, был первым секретарем Октябрьского райкома ВЛКСМ, председателем комитета по молодежной политике при Администрации Томской области. Дети у меня работающие, серьезные. Я их очень люблю.

А родителей моих уже нет в живых. Отец умер с 6 на 7 ноября 1982 г. Они с Брежневым были одноклассниками и умерли почти одновременно (Брежнев - 11 ноября). Мама прожила дольше. Умерла она уже в Томске в марте 1993 г.

Если говорить о себе, то надо еще отметить следующее. У человека должно быть пристрастие (тем и живем). Есть и у меня особые увлечения. Это, прежде всего, охота и рыбалка, причем с раннего возраста. Лет 10 моим спутником и товарищем в этом деле был Л. В. Алякринский. Блестящий философ. Интеллигентный и талантливый человек. Мы учились на одном факультете, хотя он был меня старше (фронтовик, участвовавший в японской компании). Это он меня приучил к рыбалке. Мы были на охоте вместе, когда он погиб.

Очень большой страстью является чтение. Я не могу не читать. Потому и режим у меня такой, соответствующий: ложусь спать не ранее 4-х часов, встаю рано, так как мне на сон не очень много времени надо, у меня с детства так.

Люди, как известно, по-разному оценивают те или иные пласты своей жизни. У кого-то лучшие воспоминания связаны со школой, кто-то больше ценит начало самостоятельной работы и т.д. У меня самые лучшие, теплые и яркие воспоминания связаны с Томским университетом, со студенческой жизнью. Здесь я стал HOMO SAPIENS, здесь обрел настоящих друзей, понял, что такое самостоятельность, в том числе духовная, чувство ответственности, умение общаться и пр. Все, что я знаю и умею, я обязан родителям, книгам и Томскому университету.

В заключение могу сказать, что мне очень повезло на коллектив, в котором доводится работать в Томском университете. Сегодня наша кафедра называется кафедрой истории и

документоведения, до этого были разные названия. Но всегда кафедру делают люди. Коллектив подобрался удивительно дружный, благожелательный, потрясающе работоспособный. В этом коллективе нет внутренних конфликтов, пересудов, сплетен, тем более склок. Несмотря на подчас противоположные политические устремления, сохраняются уважительное, добропорядочное отношение друг к другу, готовность подставить плечо, выручить, помочь. Кафедра отличается очень высокими показателями в учебной, учебно-методической, научной работе. Для нее характерна устойчивая динамика развития. Работать в таком коллективе – просто счастье.